

181
282

В. ГОНЧАРОВ
АДМИРАЛ
СЕНЯВИН

ВОЕНМОРИЗАТ 1915

787
282
△
В. ГОНЧАРОВ

Б18

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
С ПРИЛОЖЕНИЕМ ЗАПИСОК
АДМИРАЛА
Д. Н. СЕНЯВИНА

ВОЕННО-МОРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО НКВМФ СОЮЗА ССР
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1945

Обложка, титул и заставки
художника

Ю. П. Рейнер

40367.95

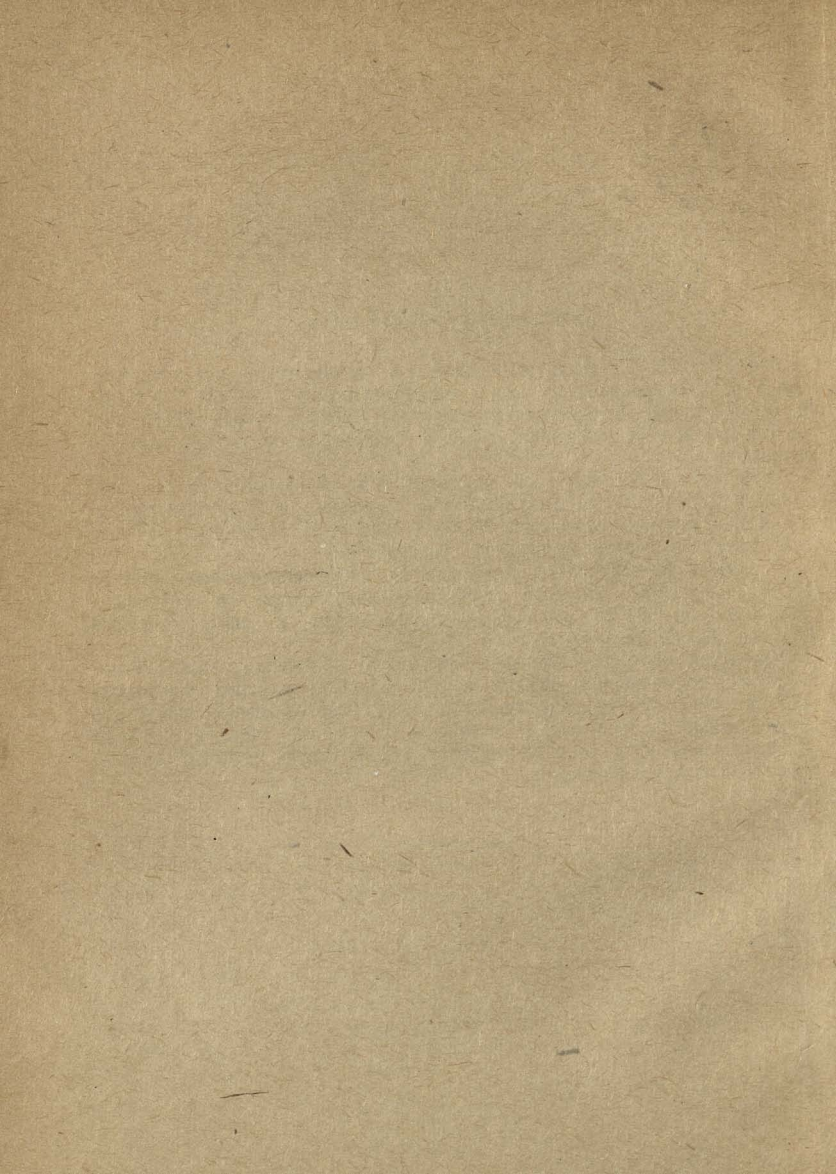
О Т И З Д А Т Е Л Ъ С Т В А

Адмирал Д. Н. Сенявин — один из выдающихся русских флотоводцев, одержавший ряд замечательных побед. Ученик Ф. Ф. Ушакова, продолжатель славных боевых традиций его школы, он развил и обогатил русское национальное военно-морское искусство.

Предлагаемый вниманию читателя труд В. Гончарова был написан к 150-летию со дня рождения Сенявина и впервые опубликован в «Морском сборнике» № 7 за 1913 г. В настоящем издании этот труд подвергся некоторой переработке.

К работе В. Гончарова прилагаются собственноручные записки Д. Н. Сенявина, впервые опубликованные также в «Морском сборнике» № 7 за 1913 г., и предисловие к ним капитана 1 ранга Н. В. Новикова.

Учитывая огромный интерес моряков и населения страны к литературе, посвященной жизни и деятельности русских флотоводцев, Военно-Морское Издательство сочло необходимым выпустить труд Гончарова и записки Сенявина отдельной книгой, которая будет полезна для всех изучающих героическую историю нашего Военно-Морского Флота.

водца, дальновидного политика и мудрого организатора, которые дают ему право стать в ряды великих сынов своей родины.

К сожалению, славное имя это, долгие годы находясь в забвении, не получило в свое время должной оценки и полного освещения славных деяний, которыми Сенявин и предводительствуемый им флот так возвеличили русское имя в отдаленных водах Архипелага в эпоху величайших войн и потрясения Европы, почти полтора века тому назад.

Жизнь, деятельность и судьба этого человека не могут не привлекать к себе внимания потомства, особенно в дни величайшей борьбы народов нашей родины на суше и на море, когда на образцах военно-морского искусства прошлого совершенствуется боевое мастерство и множатся героические традиции нашего флота.

Знаменитые кампании Сенявина в Средиземном море были осуществлены в ту пору, которую военный писатель М. И. Богданович охарактеризовал следующим образом: «Беспрестанные войны, веденные Россией с 1805 по 1815 год, заставя правительство обратить исключительное внимание на умножение и содержание военно-сухопутных сил, были причиною тому, что наш флот оставался в небрежении. Исправление старых кораблей и постройка новых почти совершенно прекратились по недостаточности сумм, отпускаемых на содержание флота. Наши моряки, выходя из портов с ветхими судами, едва могшими держаться в море, действовали успешно против турок в Архипелаге, но такое состояние флота угрожало совершенным разрушением нашей морской силы».

Морская идея не пользовалась популярностью при Александре I. Флоту отводилось второстепенное место, все внимание было направлено на сухопутные силы. Исключительная по продолжительности и упорству

борьба с Наполеоном на европейском континенте, подчинив все интересы сухопутной войне, отодвинула флот на задний план. Даже люди, стоявшие во главе морского ведомства, начали усваивать взгляды о ненужности для России мощного флота. Вот в это трудное для флота время Сенявин своими замечательными делами показал, что в руках искусного флотоводца флот является мощным фактором войны и политики.

В наступившие затем годы нового упадка флота, когда сам Сенявин, оказавшись в опале, был вынужден уйти в отставку, его имя продолжало оставаться синонимом боевой славы.

После тринадцатилетнего забвения с началом воссоздания флота Сенявин, прославивший Россию и ее флот на водах Средиземного моря и Архипелага, был вновь призван к деятельности.

И, получив снова старого своего вождя, флот вскоре новыми боевыми подвигами при Наварине и геройским боем «Меркурия» возродил славные традиции сенявинской школы, традиции героев Дарданелл, Тенедоса и Афона.

I

Предки Сенявина со времен Азовских походов Петра I почти все служили во флоте.

Первым из известных моряков Сенявиных был дед Дмитрия Николаевича, знаменитый сподвижник Петра Великого Наум Акимович Сенявин, впоследствии адмирал, прославившийся одержанной в 1719 г. под его командованием первой морской победой корабельного флота у о. Эзеля, названной Петром «добрым почином флота российского». Наум Сенявин был одним из первых коренных русских адмиралов, много потрудившихся над созданием отечественной морской силы и после смерти Петра старательно поддерживавших его заветы.

Младший сын его Алексей Наумович, родной дядя Дмитрия Николаевича, был известным адмиралом, создателем Азовского флота — предшественника Черноморского флота. Обладая государственным умом, знаниями и административными способностями, Алексей Наумович пользовался репутацией крупного морского деятеля и действительно принес великую пользу государству в деле развития его морского могущества.

Отец Дмитрия Николаевича также служил во флоте, хотя и не долго. Хорошим боевым морским офицером был и его родной старший брат Сергей Николаевич. Кроме них, еще около десяти Сенявиных одновременно служили во флоте, образовав потомственную фамилию моряков с определенными семейными традициями — быть ближе к морю.

Дмитрий Николаевич Сенявин родился 6 августа 1763 г. в селе Комлеве Калужской губернии, Боровского уезда. Ранние свои годы он провел под надзором матери, которая руководила воспитанием сына. На девятом году, когда он уже свободно читал и писал, мать повезла его в Петербург для определения в сухопутный корпус. Однако будущему адмиралу не привелось попасть в сухопутную службу: несмотря на все хлопоты, поместить сына в корпус матери не удалось, и им пришлось вернуться домой.

Следующий год был решающим в судьбе Сенявина. В это время дядя его Алексей Наумович, бывший тогда начальником Азовской флотилии, проездом в Петербург навестил своих родственников и, узнав о постигшей его племянника неудаче, посоветовал его отцу отвезти сына в Кронштадт, где в начале февраля 1773 г. десятилетний мальчик и был определен в морской корпус.

Первые годы своего пребывания в корпусе Дмитрий, несмотря на отличные способности, по примеру многих сверстников почти ничем не занимался, много

шалил и был бы, наверное, исключен, если бы не отеческое внушение одного из дядей, также моряка, задавшего племяннику хорошую порцию «секанцев».

Повидимому, серьезное внушение дяди, а также влияние брата произвели свое действие: Дмитрий оставил озорство, шалости и лень и вскоре стал усидчивым и прилежным кадетом. В своих воспоминаниях об этих годах Дмитрий Николаевич писал: «В самое то время возвратился из похода старший мой брат, часто рассказывал в шабашное (свободное) время красоты корабля и все прелести морской службы; это сильно подействовало на меня, я принялся учиться вправду и, не с большим в три года, кончил науки и был в 1777 г. в ноябре месяце произведен в гардемарины»*.

Гардемаринские плавания в течение двух кампаний окончательно привязали Сенявина к морю. Одна из кампаний дала возможность юному гардемарину побывать за Нордкапом в Северном океане. Практическое плавание под руководством таких командиров екатеринского времени, какими были его дядя Сенявин, Коняев и Берх, явилось для Сенявина прекрасной школой, пополнившей пробелы корпусного образования.

В своих записках Дмитрий Николаевич дает следующую характеристику своих первых шагов на море. «Науками досаждали мало, больше приучали к морю, давая простор молодым головам». Тем не менее Сенявин, обладая от природы живым характером и любознательностью, заслужил прекрасные аттестации от своих командиров и успешно выдержал офицерские экзамены.

1 мая 1780 г. Сенявин был произведен в мичманы и назначен на корабль «Князь Владимир», состоявший в эскадре, которой надлежало идти в Португалию.

* Описание кадетских годов Сенявина прекрасно изложено самим Сенявиным в его воспоминаниях, помещаемых приложением.

В конце мая эскадра покинула воды Балтийского моря и в скором времени благополучно прибыла в Лиссабон, в котором и зазимовала. В следующем году на том же корабле Дмитрий Николаевич возвратился в Кронштадт.

Плавание это благодаря многодневным, часто штормовым переходам, требовавшим большого напряжения, выносливости и распорядительности, принесло Сенявину огромную пользу.

Вернувшись в Россию, Сенявин недолго оставался без дела. Обратив на себя внимание начальства в заграничном плавании и составив репутацию опытного офицера, Дмитрий Николаевич был вскоре переведен в Азовский флот, который нуждался в хороших командирах.

Насущные интересы России в выходе на Черноморское побережье в связи с приближающимся разрешением Крымского вопроса* возлагали на юный Азовский флот задачу утверждения на Черном море и обеспечения Крыма от посягательств Турции.

Азовский флот спешно пополнял свои ряды новыми морскими судами. С назначением Потемкина наместником Новороссии на юге началась энергичная деятельность по заселению новороссийских степей и приведению их в оборонительное состояние. Укрепление позиции России на юге вызывало недовольство Турции, грозившей войной и нападением на незащищенный Крым. Предосторожность требовала скорейшего создания здесь вооруженных сил для предстоявшей борьбы, в том числе боеспособного флота. Последний нуждался прежде всего в обученном и опытном личном составе. Большинству иностранцев, находившихся на службе в

* По Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 г. Турция признала независимость Крымского ханства, находившегося до того в вассальной зависимости от нее, а с 1783 г. Крым был присоединен к России.

русском военно-морском флоте, были чужды интересы России, и к тому же они постоянно враждовали с русскими офицерами. В силу этого Потемкин всеми мерами стремился постепенно избавиться от иностранцев и за немногими исключениями заменял их русскими, создавая этим свои кадры офицеров и адмиралов. И действительно его деятельность в этом направлении создала целую плеяду виднейших русских морских офицеров, среди которых были такие видные деятели русского флота, как Ушаков, Сенявин, Веревкин, Пустошкин, Голенкин и другие.

Служба Сенявина на Черном море протекала в трудной обстановке. Постоянное ожидание нападения турок на Крым заставляло держать все наличные суда в боевой готовности и в крейсерствах. Плохое состояние кораблей, бурные погоды, недостаток в снабжении, частые эпидемии чумы, заносимой из Константинополя, отсутствие портов — все это создавало весьма суровые условия службы для молодежи.

1783 г., год окончательного присоединения Крыма к России, застал Д. Н. Сенявина уже в чине лейтенанта, что, несомненно, было знаком отличного о нем мнения его начальства.

С присоединением Крыма Россия твердо становилась на Черном море, и естественно, что первой задачей являлось обеспечение полученного выхода на море от покушений неприятеля. Поскольку это могло быть достигнуто наиболее надежно при помощи флота, в первую очередь было необходимо обеспечить его на Крымском побережье базой, хорошо укрепленной и пригодной для устройства верфей и надежной стоянки флота.

Обследование побережья указало на чрезвычайно удобную для этой цели Ахтиарскую бухту. Здесь решено было основать порт и крепость, получившие наименование Севастополь. Основателем и строителем порта и города был назначен старый опытный адми-

рал Мекензи* (обрусевший англичанин), а его флаг-офицером или, вернее, флаг-капитаном (начальником штаба) был назначен Дмитрий Николаевич. Полный энергии и сил Сенявин в самом непродолжительном времени сделался одним из деятельнейших помощников своего нового начальника. О своей деятельности на этом поприще Сенявин писал: «Был товарищем в делах и распоряжениях контр-адмирала Мекензи». Действительно, неутомимость, находчивость и распорядительность флаг-офицера делали его правой рукой Мекензи и по справедливости Сенявина следует причислить к числу первых строителей нашей главной военно-морской базы на Черном море.

Находясь летом в крейсерствах, а зимой руководя работами по оборудованию порта, Сенявин проходил одновременно и строевую и административную службу. Ведя в качестве начальника штаба Мекензи все сношения с властями и администрацией, молодой лейтенант, естественно, имел возможность выработать здесь необходимый служебный такт, инициативу, умение понимать и распознавать людей. Нет сомнения, что этот опыт значительно обогатил служебные и житейские познания будущего флотоводца, выработал навыки разбираться во всяких сложных положениях и уметь быстро схватывать главное и отбрасывать мелочи. Последняя черта особенно характерна для Сенявина, умевшего критически отнестись и к себе и научить тому же других.

По смерти адмирала Мекензи Сенявин остался в той же должности у нового начальника Севастопольской эскадры графа Войновича, продолжая свои работы по флоту и порту. К этому времени обязанностей значительно прибавилось. Эскадра пополнилась новыми кораблями, выстроенными в Херсоне, порт разрастался, Севастополь уже сделался морским городком.

* В источниках эта фамилия часто пишется также Макензи.

В 1784 г. Сенявин получил назначение на должность капитана галиота «Темерник», но вскоре он понадобился для прежней работы и снова был возвращен в штаб Войновича.

Постоянные труды и пренебрежение к здоровью привели к тому, что осенью 1786 г. Сенявин заболел крымской лихорадкой. По выздоровлении Сенявин был назначен командиром пакетбота «Карабут», ходившего между Константинополем и Севастополем с депешами к русскому послу Я. И. Булгакову.

Ответственное положение командира судна в заграничном плавании, пребывание в Константинополе, постоянные сношения с выдающимся дипломатом, каким был известный Булгаков, частые свидания с Потемкиным способствовали расширению кругозора и развитию Сенявина. Потемкин не мог не обратить внимания на молодого деятельного командира, уже зарекомендовавшего себя способным помощником адмирала Мекензи.

Говоря о сближении Сенявина с Потемкиным, нельзя не остановиться на их взаимоотношениях, установившихся с первых шагов. Обладая талантом выбирать способных людей, Потемкин сразу остановил свой выбор на Сенявине, который своим умом, развитием, здравыми взглядами и энергией выделялся из среды молодых офицеров.

Такие люди были особенно нужны Потемкину, который, не будучи моряком, естественно, не мог входить во все тонкости и подробности морского дела, а потому нуждался в знающих помощниках, не стеснявшихся откровенно докладывать о нуждах и потребностях флота. Сенявин вполне отвечал этим требованиям.

Потемкин быстро оценил ум и знания Сенявина и вскоре назначил его своим генеральс-адъютантом, т. е. офицером особых поручений по морской части. В этой должности Сенявин состоял почти до смерти князя.

Служба при Потемкине, который нередко знакомил своего генеральс-адъютанта со своими планами, намерениями и предположениями, еще в большей степени способствовала обогащению Сенявина административным опытом. Совместная работа в условиях начавшейся в 1787 г. войны, сложной политической обстановки, интенсивного строительства флота и т. п. явилась серьезной деловой школой для способного ученика, каким был Сенявин.

II

В результате войны 1768—1774 гг. и присоединения Крыма в 1783 г. Россия получила выход на Черное море, еще в древнейшие времена называвшееся Русским морем.

Перед русским правительством теперь стояла задача обеспечить безопасность Черноморского побережья от возможных нападений противника. С этой целью были приняты меры к усилению обороны Крыма путем создания крепостей и усиленного строительства флота.

Между тем Турция, не желавшая отказаться от своих претензий на Крым и северное побережье Черного моря, не хотела примириться с условиями Кучук-Кайнарджийского мира и усиленно готовилась к новой войне с Россией.

Военные действия начались неожиданным нападением турок 21 августа 1787 г. на наши фрегат «Скорый» и бот «Битюг», стоявшие на брандвахте в Лимане. Внезапно начавшаяся война застала русские морские силы разделенными между Херсоном и Севастополем. В Херсоне была Лиманская флотилия под командой начальника Черноморского флота и портов контр-адмирала Н. С. Мордвинова, в Севастополе на-

ходилась корабельная эскадра под начальством контр-адмирала Войновича.

План Турции был таков: разбить по частям наш флот, сперва на Лимане, потом в Севастополе, после чего перевезти свой десант в Крым и завладеть им.

Разделенность наших сил позволяла ей рассчитывать на успех, тем более, что и подступы к Лиману и Херсону, а также Крым и Севастополь были слабо защищены с моря, а сухопутные войска еще только стягивались к пограничным пунктам.

Предполагая, что появление у Очакова турецкого флота (одновременно с нападением на фрегат «Скорый» и бот «Битюг») является со стороны турок лишь демонстрацией, чтобы замаскировать десантную операцию против Крыма, Потемкин приказал Войновичу немедленно выйти со своей эскадрой в море навстречу ожидаемому противнику.

«Подтверждаю вам, — писал Потемкин Войновичу 24 августа 1787 года, — собрать все корабли и фрегаты и стараться произвести дело, ожидаемое от храбрости и мужества вашего и подчиненных ваших. Хотя бы всем погибнуть, но должно показать всю неустрашимость к нападению и истреблению неприятеля. Сие объявите всем офицерам вашим. Где завидите флот турецкий, атакуйте его. во что бы то ни стало, хотя бы всем пропасть».

31 августа Войнович, исполняя этот приказ, столь категорически требовавший от него решительных действий, поднял свой флаг на корабле «Преображение господне», на котором в должности флаг-капитана находился Сенявин.

Поход этот был крайне несчастлив.

8 сентября около мыса Калиакрия эскадра попала в жесточайший шторм, во время которого все суда получили настолько значительные повреждения, что с трудом вернулись в Севастополь.

Во время этого шторма, когда вся эскадра была в крайней опасности, само собой понятно, что от личного состава потребовались невероятные усилия, хладнокровие и распорядительность, особенно же от начальника эскадры. Но Войнович, будучи нерешительного характера, совсем растерялся, и управление фактически перешло в руки его флаг-капитана Сенявина.

Сенявин с присущим ему хладнокровием отдавал нужные распоряжения и не терял присутствия духа в самые критические минуты.

В своих записках, вспоминая этот шторм, Сенявин писал: «У нас на корабле все три мачты сломались разом, сделалась большая течь», которая так усилилась, что «во все помпы, котлами и ведрами изо всех люков едва только могли удерживать воду и мы в это время были точно на краю гибели».

И дальше Сенявин рассказывает любопытный эпизод, происшедший на корабле, когда он со шканцев спустился на палубу, чтобы ободрить выбивавшихся из сил людей, уже третьи сутки без отдыха борющихся с поступающей водой.

«В наше время, — пишет Сенявин, — в командах бывали один-два и более, назывались весельчаки, которые в свободное время... забавляли людей разными сказками, прибаутками, песенками и пр. Вот и у нас на корабле был такого рода забавник — слесарь корабельный; мастерски играл на дудке с припевами, плясал чудесно, шутил забавно, а иногда очень умно. Люди звали его «кот-бахарь». «Вижу, — рассказывает Сенявин, — слесарь сидит покойно на пушке, обрезает кость солонины и кушает равнодушно. Я закричал на него: «...то ли теперь время наедаться, брось все и работай». Мой бахарь соскочил с пушки, вытянулся и говорит: «Я думал, ваше высокоблагородие, теперь-то и поесть соленья, может доведется, пить много будем». Теперь, как вы думаете, что сталося от лю-

дей, которые слышали ответ слесаря. Все захохотали, крикнули «ура, бахарь, ура», все оживились, и работа сделалась в два раза успешнее».

По приходе в Севастополь адмирал послал Сенявина к Потемкину с подробным донесением о последствиях шторма.

Потемкин был сильно удручен этим известием.

Так как эскадра Войновича надолго была выведена из строя, должна была отпасть не только всякая надежда на истребление турецкого флота, но могли сделаться легкой добычей для неприятеля и Крым и Севастополь: последний далеко еще не был в то время оборудован как крепость и база.

У главнокомандующего Дмитрий Николаевич пробыл около двух недель.

«Князь Григорий Александрович, — пишет в своих записках Сенявин, — удержал меня при себе до 1-го октября. Удовлетворив вполне любопытство свое о несчастном плавании нашем и уверясь в рассказах моих, что флот наш будет готов в мае, выйдет в море и разобьет турок, отпустил меня в Севастополь обратно».

Опасения Потемкина не сбылись.

Турки ограничились в этом году действиями около Лимана и глубокой осенью ушли в свои базы, не достигнув никаких положительных результатов.

Всю зиму шли спешные приготовления к возобновлению военных действий. Потемкин прилагал все усилия, чтоб ускорить готовность заложенных в Херсоне судов. В Севастополе старательно исправлялась эскадра Войновича.

К весне Черноморский флот был в следующем составе: Севастопольская эскадра — 2 корабля, 14 фрегатов, 1 бомбардирский корабль и 10 мелких судов; Лиманская флотилия — 2 корабля, 3 фрегата, 8 галер, 2 бомбардирских корабля, 6 пловучих батарей, 7 брандеров и 24 мелких судна.

Имея такие силы, Потемкин выработал активный план боевых действий, который и был выполнен совместно армией и флотом в течение 1788—1790 гг.

В июле 1788 г., после разгрома турецкого флота под Очаковом, эскадра Войновича в значительной мере благодаря искусству Ушакова одержала победу у о. Фидониси.

В этом бою Сенявин принимал видное участие. Будучи флаг-капитаном Войновича, Дмитрий Николаевич в критические минуты, видя бездеятельность своего адмирала и сознавая необходимость решительных мер, самостоятельно отдавал приказания и распоряжения по эскадре.

В этом сражении Сенявин получил свое первое боевое крещение, в нем впервые он проявил свои военные способности, умение применяться к обстановке и пользоваться ею для достижения успеха.

Федор Федорович Ушаков, впоследствии знаменитый адмирал, командовавший в сражении при Фидониси, решившем исход боя, авангардом эскадры, с большой похвалой отзывался о действиях Сенявина.

Войнович в своем донесении о сражении также особо отмечал Сенявина: «Находившийся за флаг-капитана капитан Сенявин при отличной храбрости и неустрашимости с совершенною расторопностью обзрел движения и делал сигналы».

Донесение это Войнович послал с самим Сенявиным в Петербург, приказав ему по пути заехать к Потемкину и доложить подробности первого сражения на Черном море между русским и турецким корабельными флотами.

Явившись к Потемкину, Сенявин исчерпывающе доложил ему о бое, повреждениях кораблей наших и неприятеля, выказав при этом полную осведомленность по вопросам, интересующим главнокомандующего.

При приезде в Петербург Дмитрий Николаевич был принят Екатериной II и награжден золотой табакеркой, осыпанной бриллиантами, двумястами червонцев. Пробыв несколько дней при дворе, Сенявин был отпущен обратно с письмом Екатерины II к Потемкину.

3 июля 1788 г. Дмитрий Николаевич получил назначение состоять при Потемкине в звании его генеральс-адъютанта, с производством в капитаны 2 ранга.

Недолго пробыл Сенявин в главной квартире.

Для отвлечения неприятельского флота, который в то время помогал своей армии в операциях у Очакова, Потемкин снарядил отряд из крейсерских судов и отправил его к берегам Анатолии с целью прекратить подвоз подкреплений к Очакову и заставить противника отделить для защиты коммуникаций часть находящихся у Очакова морских сил. Начальство над крейсерами он поручил Сенявину.

Прибыв в Севастополь и приняв командование над пятью крейсерскими судами, Сенявин вышел с ними в море 16 сентября. Это был его первый выход в качестве ответственного руководителя операции.

Сперва отряд направился к Синопу, где, по полученным сведениям, были сосредоточены транспортные суда для перевозки турецкого десанта к Очакову.

19 сентября, подходя к Синопу, Сенявин встретил пять неприятельских кораблей: из них один большой и четыре малых. После упорного сопротивления самый большой корабль противника был вынужден выброситься на отмель. Из четырех малых неприятельских кораблей один, нагруженный различными боевыми припасами, был уничтожен; остальные скрылись в наступившей темноте.

На другой день, не имея на своем отряде никаких повреждений, Сенявин направился к Вонне, куда подошел на рассвете 22 сентября.

Ожидания Сенявина найти здесь военные корабли неприятеля не сбылись: в гавани стояли лишь коммерческие суда, которые были потоплены снарядами. Был также разрушен и сожжен вместе с другими портовыми сооружениями продовольственный магазин. Кроме того, артиллерией русских кораблей была сбита одна из батарей, открывшая огонь по крейсерам.

Через два дня отряд подошел к Трапезунду, где обнаружил на якоре четыре военных корабля. Ночью, желая захватить их врасплох на абордаж, Сенявин выслал свои гребные суда. Однако, замеченные турками, они принуждены были вернуться. На следующий день, 25 сентября, отряд Сенявина, встав на шпринг вблизи неприятельских батарей, открыл сильный артиллерийский огонь, заставивший турок через короткое время покинуть и батареи и суда. Из четырех неприятельских кораблей три были потоплены артиллерией, а четвертый взят в плен. Суда эти, как потом оказалось, предназначались для перевозки десанта и продовольственных запасов в Очаков.

После бомбардировки Трапезунда отряд 26 сентября направился в Севастополь, взяв на пути еще одно торговое судно, нагруженное товаром. С этим призом Сенявин благополучно и прибыл 6 октября в Севастополь, выдержав в пути сильный шторм.

Пополнив здесь запасы, Сенявин с крейсерами направился к Очакову, исполнив, как доносил Екатерине Потемкин, «с успехом возложенное на него дело: разнесши страх по берегам анатолийским; сделав довольно поражение неприятелю, истребив многие суда его и возвратясь с пленными и богатой добычей».

Смелый поиск Сенявина имел большое значение. Появление наших кораблей у турецких берегов, разорение портов и уничтожение торговли свидетельствовали о готовности русских к активной борьбе на море. Поход этот, выполненный по разработанному Потемки-

ным плану, вселял уверенность, что флот сможет выполнить и более ответственные задачи. Слухи о набегах отряда Сенявина и его действиях, доходя до Константинополя, разрастались до самых фантастических размеров и, естественно, вызывали у турецкого правительства растерянность и страх.

Наградив Сенявина за успешное выполнение операции орденом Георгия 4-й степени, Потемкин назначил его командиром 56-пушечного корабля (незадолго перед тем взятого у турок) «Леонтий мученик».

6 декабря, наконец, был взят штурмом Очаков. С падением этой крепости была достигнута главная цель кампании 1788 года: оба берега Лимана оказались в наших руках и мы получили беспрепятственную возможность строить и создавать нужный нам флот. Таким образом Россия сделала первый крупный шаг к своему утверждению на Чёрном море, обеспечив безопасное создание нужного флота в крепко защищенном Лимане и в то же время имея постоянный свободный выход для судов в открытое море. За судьбу Севастопольской эскадры бояться уже было нечего, она получала обеспеченную возможность соединиться с лиманскими судами и базироваться на Лиман для дальнейших операций.

Командуя кораблем «Леонтий мученик», Сенявин пришел на нем из Херсона в Севастополь, откуда тотчас был вызван Потемкиным обратно с приказанием оставить свой корабль в эскадре Войновича. Прибыв в конце декабря вторично в Херсон, Дмитрий Николаевич получил предписание от главнокомандующего принять корабль «Владимир», стоявший во льдах между Очаковым и Кинбурном, и привести его в Севастополь.

Невзирая на трудности зимнего плавания, лед и штормовые погоды, сопровождавшие почти весь переход, Сенявин благополучно прибыл на «Владимире» в Севастополь 18 января 1789 г., усилив таким образом,

несмотря на позднее время, Севастопольскую эскадру двумя боевыми кораблями. Таким образом Сенявин дважды выполнил такое поручение, от которого отказывались даже старые моряки. Посылаемые раньше в тех же условиях суда неоднократно терпели крушения.

За эти труды, вполне оцененные Потемкиным, Дмитрий Николаевич был представлен к ордену Владимира 4-й степени. Насколько высоко оценивал Потемкин столь искусно исполненное поручение, показывает тот факт, что он просил Екатерину II предоставить награжденному право ношения этого ордена с бантом, что давалось только за боевые отличия.

Посылая Сенявину орден, Потемкин писал: «... Преодоленные вами трудности при отправлении вашем из Лимана в Севастопольскую гавань с кораблем «Владимир» и благополучное сего дела произведение удостоились монаршего ее императорского величества благоволения, и вы, в знак оного, пожалованы кавалером ордена св. благоверного князя Владимира четвертой степени. Препровождаемый здесь крест имеете вы возможность носить так, как отличившимся при Очакове повелено, — с бантом. Я ожидаю и впредь новых от вас заслуг, которые подадут мне еще приятный случай засвидетельствовать об оных...».

Вскоре после этого Сенявин был назначен командиром только что построенного корабля «Иосиф II», на котором он и плавал с мая по ноябрь в составе эскадры Войновича, державшего на нем свой флаг.

Наступившая зима прервала военные действия.

Обе стороны энергично готовились к продолжению войны весной. На турецком и русском флотах шли спешные приготовления: достраивались корабли, ремонтировались старые, заготавливались военные и продовольственные запасы, готовились транспорты, сухопутные войска стягивались к намеченным пунктам.

Сознавая всю важность решительных действий флота в предстоящую кампанию, Потемкин особенное свое внимание обратил на высший командный состав флота: нерешительный Мордвинов был удален в Петербург; Войнович был назначен командиром Херсонского порта и Лиманской флотилии; Севастопольская эскадра была вверена уже проявившему свои военные дарования и только что произведенному в контр-адмиралы Ф. Ф. Ушакову.

В лице Ушакова флот получал боевого руководителя, тактические воззрения которого в корне расходились с укоренившимися в то время рутинными положениями линейной тактики. Ставя основной целью боя быстрый и решительный разгром противника, Ушаков видел возможность достижения этого в смелом и свободном маневре, в предоставлении инициативы частным начальникам и командирам и в нанесении сосредоточенного удара. Поэтому вся боевая подготовка флота была подчинена требованиям проведения самой энергичной атаки и сближения с противником вплотную для введения в действие артиллерии всех калибров. Особым приемом являлось направление основного, сосредоточенными силами, удара на неприятельских флагманов с целью расстройтва и нарушения боевого руководства противника. Все это, подчиненное единому замыслу, не связывалось с отжившими требованиями линейной тактики — удерживать во всех фазах боя обязательный строй кильватерной линии. Походный порядок нередко являлся и боевым, чтобы не тратить времени на перестроения и тем не дать неприятелю время на подготовку к отражению атаки.

Видя в Ушакове новатора, способного в корне изменить обстановку борьбы на море, Потемкин всей своей властью и авторитетом поддерживал начинания нового командующего линейной эскадрой.

«Потемкин и Ушаков, — писал в своем труде* профессор Н. Л. Кладо, — это были люди, легко понимавшие друг друга, и, чтобы поддержать Ушакова в его идеях, Потемкин, которому были подчинены все морские силы в Черном море, снабдил его инструкцией, согласно которой Ушаков должен был во время сражения иметь при своем флагманском корабле четыре лучших фрегата, которым присвоено было название — «эскадры кейзер-флага». С помянутой эскадрой, — гласит инструкция Потемкина, — толкайтесь на флагманский корабль, объяв его огнем сильным и живым, разделите которое судно должно бить в такелаж, которое в корпус, и чтобы при стрельбе ядрами некоторые орудия пускали бомбы и брандскугели. Что бог даст в руки, то его милость, но не занимайтесь брать, а старайтесь истреблять, ибо одно бывает скорее другого. Требуите от всякого, чтобы боролись мужественно, или, лучше скажу, по-черноморски».

Командиром одного из фрегатов эскадры «кейзер-флага» был назначен, по личному выбору Потемкина, Д. Н. Сенявин.

Из приведенной инструкции видны взгляды на ведение боя как Потемкина, так и Ушакова, безусловно принимавшего участие в составлении этой инструкции, где проводилась основная мысль о сосредоточении своих сил против главной части сил противника, широком маневре и о решительном ударе полной мощью до решительного поражения.

Вопреки ожиданиям кампания 1789 г. прошла без боевых столкновений на море. Все действия ограничились крейсерскими операциями наших кораблей у бе-

* «Введение в курс истории военно-морского искусства». СПб., 1910.

регов Турции и действиями корсарских судов * у Босфора и по побережью.

Пользуясь затишьем на море, флот деятельно занимался боевой подготовкой, обучаясь эволюциям и стрельбе.

1790 г. ознаменовался решительными успехами русского оружия.

Осложнившееся политическое положение России в связи с недоброжелательными отношениями некоторых западно-европейских стран и затянувшаяся война со Швецией подавали большие надежды турецкому правительству на удачный исход предстоящей борьбы. Турция деятельно готовилась к продолжению военных действий, формируя новые армии и строя корабли. Влиятельная партия при султанском дворе требовала присоединения к Турции Крыма; в Константинополе готовились сильная боевая эскадра и большой транспортный флот для перевозки крупного десанта на Таврический полуостров.

Зная о намерениях турок, Потемкин совместно с Ушаковым выработал план операций на море. Флоту ставилась задача добиться полного владения морем путем уничтожения флота противника при первом же его выходе из Босфора.

В двух последовательных встречах с неприятелем в Керченском проливе и у Тендры Ушаков нанес решительные поражения туркам, совершенно расстроив их замыслы.

На суше 1790 г. также ознаменовался крупной победой.

После кровопролитного штурма Суворов овладел

* Суда греков, находившихся в подданстве султана, охотно поступавших на русскую службу. Будучи вооружены, под командой своих владельцев, получавших воинское звание, эти суда широко использовались для крейсерских целей. — *Ред.*

одной из самых сильных турецких крепостей на Дунае — Измаилом.

Но даже все эти поражения не сломили упорства турок, попрежнему рассчитывавших, что боевое счастье все же вернется на их сторону.

Успехи России взволновали Европу: Англия собиралась послать свою эскадру в Балтийское море, Франция обещала материальную поддержку Порте.

В надежде на это Турция отвергла предложения Потемкина начать мирные переговоры, и борьба возобновилась.

На суше был взят Браилов, у Мачина была разбита 80-тысячная турецкая армия и, наконец, пала Анапа.

На море Порта также понесла крупное поражение при Калиакрии.

Ушаков со своей эскадрой, в составе которой был корабль «Навархия» под командой Сенявина, достиг весь турецкий флот недалеко от мыса Калиакрия.

Появление нашей эскадры было совсем неожиданным для турецкого флота, стоявшего под прикрытием береговых батарей.

Заметив нашу эскадру, турки спешно стали обрубать якорные канаты, ставить паруса и строиться в боевой порядок. Между тем русская эскадра, шедшая в строе трех кильватерных колонн, не стала перестраиваться в боевой порядок, чтобы не терять времени для нанесения удара, прошла под огнем батарей между берегом и линией турецких кораблей и стремительно атаковала последние. Адмирал оттоманского флота Сеид-Али, собираясь ответить контратакой, стал выстраивать эскадру в боевой порядок. Тогда Ушаков, чтобы не дать возможности привести Сеид-Али свой план в исполнение, обрушился с главными силами на ту часть неприятеля, в которой находились корабли турецких адмиралов.

Этим маневром Ушаков сразу наносил удар по неприятельскому командованию и нарушал управление боем: Избитые корабли турецких флагманов, потеряв возможность руководить действиями своих соединений, были вынуждены к выходу из боя и поспешному отступлению. Видя бегство своих флагманов, турецкий флот окончательно пришел в беспорядок и в полной растерянности последовал их примеру.

Поражение турецкого флота было полное. Потеряв несколько кораблей, противник поспешил укрыться в Босфор. Появление избитых и требующих помощи кораблей заставило правительство Порты безоговорочно согласиться на условия мира, предложенные ей Россией.

Донося о полном поражении турок, Ушаков между прочим отметил в своем рапорте, что, «хотя Сенявин во время боя оказал также мужество и храбрость, но, спускаясь от ветра, не так был близок к линии неприятельской, как прочие».

Действительно, корабль Сенявина некоторое время держался далее других от противника, но это объяснялось тем, что рангоут корабля Сенявина сильно пострадал от неприятельского огня и понадобилось некоторое время для приведения его в порядок.

Во взаимоотношениях Ушакова и Сенявина и ранее уже имели место недоразумения.

Причиной трений, возникавших между ними, видимо, являлось несходство в характерах. Нет сомнения, что оба эти замечательных человека руководились в своих поступках одинаковыми побуждениями: любовью к родине, преданностью морской службе, рвением к подвигу, оба они одинаково понимали свой долг. Но и Ушаков и Сенявин обладали резко выраженной индивидуальностью, большой самостоятельностью и инициативой. Оба одинаково чуждые интриг, корыстных стремлений, будучи людьми высоко прин-

ципиальными и прямолинейными, они иногда, повидимому, расходились во взглядах на некоторые частные вопросы.

Ушаков, оценивший блестящие дарования молодого Сенявина, считал его лучшим своим офицером и неизменно содействовал продвижению его по службе.

Сенявин со своей стороны, ценя повседневное внимание к нему Ушакова, которого он глубоко уважал как своего учителя, иногда испытывал чувство незаслуженной, как ему казалось, обиды и ущемленного самолюбия.

В дело вмешался Потемкин, отлично понимавший характеры обоих.

Он видел причину их взаимного непонимания и, ценя того и другого как лучших из своих сподвижников, конечно, должен был принять решительные меры к прекращению ссор.

И вот, желая, с одной стороны, поставить горячего Сенявина на свое место, а с другой, дать Ушакову удовлетворение и заставить переменить мнение о своем подчиненном, Потемкин, разразившись грозным приказом, предложил Сенявину дилемму: принести извинения Ушакову или же быть разжалованным в матросы. Но, вынеся этот приговор, Потемкин в то же время употребил все свое влияние на своего молодого любимца, чтобы заставить его сломить свое самолюбие и принести извинения такому достойному человеку, каким был Ушаков. С другой стороны, Потемкин не оставил своим воздействием и Ушакова. Поручившись за Сенявина, Потемкин просил Ушакова беречь своего талантливого подчиненного, указывая, что при хорошей школе из него выйдет моряк, который прославит имя своего учителя. Отходчивый Ушаков понял это. Примирение состоялось.

Обрадованный Потемкин, хотя и лишил Сенявина генеральс-адъютантства, писал Ушакову: «Федор Фе-

дорович. Ты хорошо поступил, простив Сенявина: он будет современем отличным адмиралом и даже, может быть, превзойдет самого тебя».

Сам Ушаков не был чужд этого мнения. Он не раз говорил о Сенявине: «Я не люблю, очень не люблю Сенявина, но он отличный офицер и во всех обстоятельствах может с честью быть моим преемником в предводительствовании флотом...»

И Потемкин и Ушаков оказались правыми: в лице Сенявина Россия и флот приобрели одного из замечательнейших флотоводцев, который, многое восприняв от обоих своих учителей, дал впоследствии образцы политического, стратегического и тактического искусства.

Вскоре Сенявин лишился своего покровителя. 5 октября 1791 г. умер Потемкин, под руководством которого было осуществлено утверждение России на Черном море и создан Черноморский флот.

Близость Сенявина к Потемкину не прошла бесследно. Наблюдая и вникая в деятельность своего покровителя, Сенявин в общении с ним воспринимал его идеи и мысли, начинал понимать его замыслы, методы его политики и творческой деятельности.

Вот почему впоследствии, выступив сам на арену сложных политических взаимоотношений, нередко предоставленный самому себе, стоя во главе флота в отдаленных водах Архипелага в моменты наибольшего колебания политической обстановки, Сенявин неуклонно шел намеченной дорогой, осуществляя поставленные цели наиболее верным, выгодным и достойным способом. Школа Потемкина наделила Сенявина ясным государственным умом и полным достоинством и мужеством творчеством.

Не меньшим был обязан Сенявин и школе Ушакова, которая выработала в будущем герое Дарданелл и Афона выдающиеся качества талантливого флота-

водца, не только с успехом осуществлявшего оперативные и тактические идеи своего учителя, но и внесшего много нового в дело дальнейшего развития военно-морского искусства.

Человек высоких принципиальных убеждений, Ушаков и в дальнейшем не оставил своих попечений о Сенявине и, считая его лучшим капитаном на своей эскадре, неизменно поручал ему наиболее серьезные и ответственные должности и задания.

После окончания войны Сенявин был назначен командиром корабля «Св. Александр Невский», которым командовал около трех лет, совершая на нем плавания в эскадре Ушакова.

1 января 1796 г. Дмитрий Николаевич был произведен в капитаны 1 ранга и назначен в Херсон на постройку нового 74-пушечного корабля № 1, впоследствии названного «Св. Петр». Этим кораблем Сенявин командовал до 1800 г., сперва в Черном море, а затем в Средиземном, в составе все той же эскадры, под флагом вице-адмирала Ушакова.

III

В 1796 г. умерла Екатерина II и на престол вступил Павел I, объявивший себя твердым сторонником мира.

Однако последний продолжался недолго. Два года спустя Россия была принуждена объявить войну Франции.

Причин, вызвавших войну, было много. Непосредственными из них были — захват французами острова Мальты, особенно близкого сердцу Павла I, принявшего под свое покровительство орден Мальтийских рыцарей, и захват Ионических островов, жители которых искали защиты у России.

Объявив войну Франции и заключив предварительный союз с Англией и Турцией, Павел I послал одновременно армию Суворова для освобождения от французов Италии и Черноморскую эскадру под командой Ушакова в Средиземное море для изгнания французов с Ионических островов и из славянских областей Адриатики.

В состав этой эскадры, состоявшей из 6 кораблей, 8 фрегатов и 4 бригов, вошел и корабль «Св. Петр» под командой капитана 1 ранга Сенявина, которому предстояло пройти полностью боевую школу Ушакова именно там, где 7 лет спустя судьба должна была поставить его таким же ответственным руководителем в условиях, едва ли не еще более трудных.

13 августа 1798 г. эскадра Ушакова покинула Севастополь и направилась в Константинополь, где должно было произойти соединение с турецким отрядом (4 корабля, 6 фрегатов, 4 корвета и 14 канонерских лодок).

Первым делом Ушакова по прибытии эскадры в Средиземное море было занятие Ионических островов, уже захваченных французами. Обследовав острова, русский адмирал убедился, что только два из них, Корфу и Санта-Мавра, могли оказать серьезное сопротивление, остальные же, плохо укрепленные, по его мнению, долго продержаться не могли.

Поэтому Ушаков решил сперва завладеть малозащищенными островами, а потом уже всем флотом действовать против Корфу.

Взятие Санта-Мавры Ушаков поручил Сенявину, которому были приданы фрегат «Навархия» и два турецких корабля.

Подойдя с вверенным ему отрядом к острову, Сенявин высадил десант под начальством капитан-лейтенанта Войновича в количестве 487 человек (из них турок было всего 40) при 6 орудиях.

Десанту предстояла трудная задача.

На отвесном берегу острова была построена мощная крепость, окруженная двумя глубокими рвами и обнесенная высокой каменной стеной; она была вооружена мощной артиллерией и защищалась сильным гарнизоном.

Успеху десанта много содействовали жители острова, которые с радостью встретили русских и предложили им свое содействие.

Сенявин принял предложенные услуги и приказал Войновичу с помощью населения возвести необходимые батареи как можно ближе к французским укреплениям.

Через два дня батареи были готовы, и союзники открыли по крепости ожесточенный огонь.

Однако французы упорно защищались. После трехдневной бомбардировки с кораблей были свезены для усиления десанта еще 200 турок. Союзники несколько раз ходили в атаку, но были каждый раз отбиваемы.

Наконец, 30 октября предложение Сенявина сдать крепость было французами принято.

Комендант генерал Миоллес соглашался оставить крепость при условии, что ее гарнизону разрешено будет, хотя бы на свой счет, отправиться в отечество и не считаться военнопленными. Такое предложение Дмитрий Николаевич отверг, требуя полной сдачи, со всеми ее обычными последствиями.

Переговоры прервались, и военные действия возобновились.

На следующий день после ожесточенного боя французами присланы были парламентары, которые передали, что комендант их согласен сдать крепость, если требования союзников будут смягчены. Сенявин категорически отказался изменить свои условия. Опять захотали орудия, но прежнего упорства у осажденных не замечалось. Видно было, что они понесли тяжелые потери и что часть орудий их была сбита.

В тот же день, 31 октября, к Санта-Мавре подошел со всей эскадрой Ушаков.

Осмотрев возведенные батареи, он нашел их превосходными. Вернувшись на корабль, адмирал отправил коменданту предложение о сдаче крепости на условиях, поставленных Сенявиным, объяснив при этом всю тщетность дальнейшего сопротивления и добавляя, что в случае отказа ни один француз не будет пощажен.

Результатом ультиматума была сдача крепости на требованиях Сенявина.

2 ноября Сенявин и комендант Миоллес подписали капитуляцию:

«I) Крепость Св. Мавры сдается флота капитану 1-го ранга и кавалеру Сенявину в том состоянии, в каком она ныне находится со всеми пушками, амуницией, провиантом и проч.

II) Гарнизон выйдет с воинскими почестями 5-го числа сего месяца и в ста сажнях от гласиса положит оружие свое перед фронтом победителей. Офицеры сохраняют свои шпаги.

III) Гарнизон сдается военнопленным и будет возвращен при первом размене пленных между российской империей и французским правительством. Ему будет дозволено взять с собою свое собственное имущество, для перевозки коего будут доставлены способы.

IV) С вышеупомянутым гарнизоном поступлено будет человеколюбиво и в плену оный будет содержан без утеснения».

В назначенный день французы вышли из крепости к союзному десанту, стоявшему во фронте, и комендант вручил Сенявину два знамени, флаг и ключи крепости, после чего гарнизон сложил оружие. Вслед за этим победители вошли в крепость, подняли свои флаги и заняли караулы.

В крепости были взяты 4 мортиры, 55 пушек, не-

сколько сот ружей, 160 пудов пороху, 11 тысяч снарядов, 40 тысяч патронов и большой запас провианта.

Множество разрушенных зданий, поврежденные укрепления свидетельствовали об успешном действии русских пушек.

Взятие Санта-Мавры открыло ряд боевых успехов русского оружия на водах Адриатики и Средиземного моря. Первый боевой успех принадлежал Сенявину и как руководителю операции и как командиру корабля «Св. Петр», с которого была взята большая часть команды для десанта.

Нельзя не отметить и того доверия, которое оказал Ушаков своему когда-то строптивому подчиненному, давая ему столь ответственное поручение в уверенности, что Сенявин не преминет доказать свои способности и инициативу в роли самостоятельного начальника.

Но взятием крепости не кончилось для Сенявина его поручение. Изгнав французов, было необходимо восстановить самоуправление острова и наладить его административную жизнь.

На Сенявина легла обязанность и здесь положить начало, применив свой административный опыт и политический такт.

В течение десяти дней на острове было создано самоуправление, выработаны соответствующие инструкции для выборных и установлено правильное течение мирной жизни.

Тактичность, достоинство и умение привлечь к себе симпатии жителей быстро довершили порученное дело и позволили Дмитрию Николаевичу покинуть взятый оружием и покоренный любовью остров.

Взятие Санта-Мавры имело большое значение. С падением этой крепости Ушаков получил возможность сосредоточить все свои силы для действий против Корфу. Успех Сенявина развязывал ему руки и ускорял освобождение Ионических островов от французов.

Дмитрий Николаевич оправдал выбор Ушакова: не-взирая на трудности и препятствия, он блестяще выполнил порученное ему дело. Офицеры и команда, беря пример с начальника, не знали усталости. Сенявин появлялся всюду, его храбрость и отвага заражали подчиненных, он был и начальником и товарищем их.

Адмирал Ушаков в своем донесении Павлу I о взятии острова Санта-Мавра аттестовал Сенявина: «Командовавший отдельно от эскадры отрядом капитан 1-го ранга и кавалер Сенявин при взятии крепости Св. Мавры исполнил повеления мои во всей точности. Во всех случаях, принуждая боем к сдаче, употреблял он все возможные способы и распоряжения, как надлежит усердному, расторопному и исправному офицеру, с отличным искусством и неустрашимую храбростью».

За взятие Санта-Мавры Сенявин был награжден орденом Анны 2-й степени.

23 ноября отряд Сенявина присоединился к эскадре. К этому времени Ушаков, собрав почти все свои силы, приступил к блокаде Корфу, а затем и к овладению укреплениями острова.

20 февраля в результате героических усилий русских моряков пала последняя крепость и оплот французов на Ионических островах.

Подвиги русской эскадры были справедливо оценены всеми современниками.

Павел I за взятие Корфу произвел Ушакова в адмиралы.

Суворов, узнав о падении этой крепости, сказал окружающим его лицам: «Жалею, что при взятии Корфу не был хотя бы мичманом».

Нельсон, поздравляя Ушакова с победой, писал ему: «От всей души поздравляю ваше превосходительство со взятием Корфу и могу уверить Вас, что слава оружия верного союзника столько же дорога мне, как и слава моего государя...»

После освобождения Ионических островов Ушаков приступил к дальнейшему выполнению операций. В соответствии с планом часть судов была выделена в самостоятельный отряд, который был послан под начальством капитана 2 ранга Сорокина с задачей изгнать французов из Неаполя.

Сформировав еще два отряда под командой контр-адмирала Пустошкина и капитана 2 ранга Войновича, Ушаков предписал им идти в Адриатическое море и занять Анкону, представлявшую собой выгодную базу для неприятельского флота.

Эти три отряда отлично справились со своими задачами. Сам Ушаков с главными силами остался в Корфу для исправления поврежденных кораблей.

27 июля Ушаков вместе с турецкой эскадрой покинул Корфу и направился к берегам Италии. Посетив сперва Мессину и Палермо, русская эскадра отбыла в Неаполь.

Прибыв в Неаполь и быстро водворив порядок, адмирал Ушаков послал десант в Рим.

С радостью встречен был населением Рима наш десант, который, заняв город, нанес этим сильный удар противнику.

Простояв около месяца в Неаполе и собрав все свои силы, Ушаков перешел в Мессину, чтобы оттуда идти на Мальту.

В это время к Мессине приближался Сенявин, конвоируя из Корфу отряд транспортов с десантными войсками, которые были предназначены для содействия англичанам против занятой французами Мальты.

Переход был трудным. Сильный шторм, застигший «Св. Петра» у берегов Корфу, едва не был причиной гибели судна, отнесенного к берегам. Отданные якоря едва удержали судно в 15 сажнях от скалистого рифа у местечка Баньяры.

Каждую минуту ждали, что порыв жестокого ветра подрейфует корабль и он будет разбит.

Опасность час от часу становилась все больше, к утру лопнул один из якорных канатов. К счастью, ветер стал стихать, и «Св. Петр» мог продолжать переход.

Распорядительность и хладнокровие Дмитрия Николаевича много способствовали трудной работе команды.

Жители, увидавшие русское судно в опасности, изъявляли полную готовность в случае необходимости оказать ему свою помощь. Сенявин в своем журнале, который он вел в 1799 г. на корабле «Св. Петр», пишет по этому поводу: «Жители местечка Баньяры все время, когда корабль был в опасности, оказали нам чрезвычайную приверженность... множество народа весь вчерашний день и ночь занимались беспрестанным приготовлением в случае спасти команду».

21 января корабль «Св. Петр» благополучно прибыл в Мессину, где и соединился с эскадрой. Здесь Сенявин узнал о своем производстве в капитаны генерал-майорского ранга, состоявшемся 28 ноября прошлого 1799 года.

В тот же день Ушаковым получено было из Петербурга предписание от 23 октября возвратиться со всеми своими судами в Черное море, вследствие чего намеченный поход на остров Мальту был отменен.

Исполняя это распоряжение, Ушаков приказал всем кораблям и отрядам, находившимся в отдельном плавании, немедленно идти к Корфу, куда и сам направился с главными силами.

Прибыв к Корфу, Ушаков получил новое приказание продолжать совместно с союзниками военные действия. Этим самым со стороны России была сделана еще одна попытка довершить начатое совместными действиями изгнание французов из Средиземного моря.

Однако изменившаяся политическая обстановка побудила Павла I отозвать наши эскадры в Россию.

6 июля 1800 г. русская эскадра покинула Корфу.

31 августа русский флот стал на якорь у Константинополя, а 12 сентября пришел, увенчанный лаврами победителя, в Севастополь.

Ионическая кампания Ушакова оказала громадное влияние на формирование Сенявина как военного и политического деятеля. Опыт ушаковской школы на отдаленном внешнем морском театре в сложной международной политической обстановке сыграл важную роль в подготовке будущего флотоводца для самостоятельного командования.

Кампанией в Средиземном море Сенявин достойно закончил свою подготовку к предстоявшей ему деятельности.

IV

Вскоре после своего возвращения из Средиземного моря Сенявин был назначен капитаном сперва Херсонского порта, а в 1803 г. он был переведен на ту же должность с производством в контр-адмиралы в Севастополь. Пробыв здесь около года, в сентябре 1804 г. Дмитрий Николаевич был назначен флотским начальником в Ревель, где и пробыл до того момента, когда вновь осложнившаяся обстановка на Средиземном море призвала его в 1805 г. к новым боевым подвигам в Адриатике и Архипелаге во главе эскадры Балтийского моря, подвигам, сделавшим имя Сенявина бессмертным в истории морских войн.

Александр I, так же как и его отец, при вступлении на престол объявил себя решительным сторонником мира. Но так же, как и отцу, ему вскоре пришлось принять деятельное участие в делах Европы, где уже разгоралось пламя войны.

Политическое состояние Европы было таково, что всеобщая война была неминуема. Наполеон, шедший к вершине своего могущества, перекраивал карту Европы. Угроза порабощения объединила государства в мощную коалицию против Наполеона, и борьба началась. Общий план действий снова отводил России Архипелаг и Средиземное море как театр военных операций.

Агенты Наполеона развили активную деятельность в Турции, толкая ее на открытый разрыв с Россией.

Необходимо было принять заблаговременные меры и парализовать замыслы опасного врага.

С этой целью Александром I было дано задание русскому уполномоченному в делах Ионической республики Моцениго следить за французами и стараться вернуть прежнее расположение к России греков, которое было почти утрачено со времени уступки Албанского побережья туркам.

Вскоре в Петербурге стало известно, что французский флот, стоявший в Тулоне, готов к отплытию с большим сухопутным десантом для овладения Ионическими островами и областями, расположенными на побережье Адриатического моря.

Последнее известие побудило русское правительство спешно усилить морские силы на Средиземном море.

Немедленно было приказано отправить в Ионическую республику сухопутные войска и послать на будущий театр военных действий еще две эскадры: одну из Черного и другую из Балтийского морей.

Из Кронштадта сперва отбыл отряд контр-адмирала А. С. Грейга, а вслед за ним и эскадра Сенявина, произведенного только что в вице-адмиралы. Ему же было вверено главное командование над всеми сухопутными и морскими силами России на Средиземном море.

10 сентября 1805 г. Д. Н. Сенявин со своей эскадрой в составе 5 кораблей — «Ярослав» (флагманский), «Св. Петр», «Москва», «Селафаил» и «Уриил» — и фрегата «Кильдюин» покинул Кронштадтский рейд.

Сложная задача возлагалась на Сенявина. Предстояло под угрозой ежеминутно готовой вспыхнуть войны пройти с эскадрой из Балтийского в Средиземное море, мимо берегов Франции и Испании, к Ионическим островам.

Дипломатические сношения России и Франции были уже прерваны, а потому, находясь в открытом море, нужно было каждую минуту ждать начала военных действий, чтобы не быть застигнутым врасплох.

Кроме того, все говорило за то, что сложное политическое положение разразится рядом вооруженных столкновений на всем протяжении Европы, и потому наши морские силы могли во всякий момент быть отрезанными от возможности вернуться обратно.

Но не только этим осложнялось положение Сенявина. Предвидя упорную борьбу, поставленный в необходимость широко вести военные операции, Сенявин на первых порах оказывался совершенно не обеспеченным ни необходимой базой, ни снабжением, ни возможностью во-время получать подкрепления. Предстояло самому изыскивать средства для содержания эскадры и чрезвычайно внимательно следить за колебаниями политических отношений. Порученное дело требовало ясной головы, твердого характера, больших дипломатических способностей и военного таланта.

Все эти качества счастливо совмещались в Сенявине. Ему была предоставлена полная самостоятельность и мощь главнокомандующего, что, с одной стороны, давало необходимый простор для творчества, с другой — влекло за собой большую ответственность за возможные неудачи.

Переход из Балтийского моря в Средиземное был совершен благополучно, и 18 января 1806 г. Дмитрий Николаевич со своими кораблями прибыл в Корфу.

Громом салюта и музыкой встретили своего начальника стоящие на рейде корабли эскадр Сорокина и Грейга.

Приняв тотчас же общее начальство, Сенявин приступил к осуществлению задачи, возложенной на него инструкцией от 31 августа 1805 г., в которой предлагалось, приняв под свое командование все морские и сухопутные силы*, находящиеся в Средиземном море, обеспечить крейсерство для охраны Адриатического побережья и установить постоянное сообщение между островами и материком, согласуя свои действия с действиями английского флота.

Таким образом на первых порах сферой деятельности Сенявина являлись Ионические острова и Адриатическое море. Ввиду возможности войны с Францией в инструкции говорилось: «Буде бы война была объявлена и вы получите повеление о начатии оной, или удостоверительное сведение через Венский и Неаполитанский дворы или от командующего английского эскадрю, представляю благоразумию вашему распорядиться действиями морских и сухопутных сил наших, оставшихся на островах Ионической республики, сообразно общему плану по сношению с генералом Ласси и с командующими на матером берегу нашими, австрийскими и неапольскими начальниками, также с командующим английским флотом в Средиземном море и по соображению неприятельских предприятий, имея главнейшее в предмете: 1) защищение и доставление безопасности владениям Ионической республики; 2) недопущение неприятеля приблизиться или пробрать-

* 11 кораблей, 7 фрегатов, 5 корветов, 7 бригов и 12 канонерских лодок. Общее число команды на них было около 8000 человек при 1154 орудиях, сухопутного войска было до 15 000.

ся к берегам Мореи и вообще к владениям греческим и турецким; 3) распределение сообразно тому крейсеров к покровительству и защите греческих и турецких берегов, буде предстоять будет им опасность от неприятельских покушений. Приказав сим крейсерам, есть ли найдут удобность и будут иметь достаточные силы и средства, чинить возможные поиски за неприятельскими судами военными и купеческими, имея однако же главнейшее попечение о доставлении безопасности помянутым берегам и владениям.

Поелику безопасность Ионической республики, как и прочих островов и берегов, тем удобнее доставлена быть может, когда нанесен будет неприятелю наибольший возможный вред, то, предохранив оные вышеизъясненным образом, весьма полезно было бы остающиеся затем морские и сухопутные силы — обратить на действия наступательные в тех местах, где токмо возможно будет, и всегда изыскивать благоприятные случаи для нанесения противникам наибольшего поражения.

Италия, по положению своему, будучи окружена водами, представляет многие удобства к покушениям морских сил. В число таковых покушений первыми входят взятие Анконы, Чивитавеккии и других мест, кои настоящее положение дел и сношения с союзниками вам лучше означить могут. Но в сих случаях, то есть при занятии городов, крепостей и земель оружием нашим, поступайте по точному смыслу 6-го особенного артикула конвенции нашей с Англиею, заключенной 30-го марта (11-го апреля) сего года. В рассуждении же сношений с англичанами, надлежит Вам иметь в виду содержание 15-го пункта инструкции, данной генерал-майору Анрепу*, чтобы не прежде

* В выписке из инструкции, данной генерал-майору Анрепу при отправлении его в Корфу 19 мая 1804 г., говорилось: «Во всех случаях содействия сухопутных сил английских с нашими

подаваться на их предложения, как когда по зрелому соображению предусмотрели бы вы, что поражением неприятеля не одна только слава победы с ощутительным уроном нами приобретается, но существенная польза, занятием ли выгодного местоположения, воспрепятствием ли неприятелю усилиться, посредством соединения отрядов, согласуя при том всегда ваши действия с сухопутными, произведенными под начальством генерала Ласси.

Есть ли в последствии военных действий, флаг и оружие наши ознаменуются победами на море, или в приморских местах, в особенности поручаю вам поступать с пленными со всяким человеколюбием, раненым оказывать возможное пособие и призрение и во всех случаях подавать опыты твердого и благоснисходительного правления, чиня правду, наблюдая устройство и порядок, не притесняя и не обижая слабого, соблюдая свято право собственности, религии и снисходя к неумышленным преступлениям».

Заканчивалась инструкция словами: «Вверяя все сии военные как морские, так и сухопутные силы вашему главному начальству, я совершенно удостоверен, что вы, по известному мне усердию вашему и службе, точным исполнением сего поручения оправдаете мой выбор и мою к вам доверенность».

Таким образом основной задачей Сенявина было защищать Ионические острова, не допускать неприятеля к турецким и греческим берегам и оказывать ге-

войсками должно обходиться самым дружественным и ласковым образом с ними, а наипаче офицерам между собой...

В народе тех краев имейте стараться внедрить любовь к законному их государю и ненависть к возмущающим вообще спокойствие французам. Объясните жителям, что властолюбие первого консула есть единственная причина всех несчастий, претерпеваемых ими от войны и безначалия, существовавшего в Италии со времени водворения в ней французских войск, на поражение коих старайтесь возбуждать жителей всемерно».

нералу Ласси, находившемуся в Италии, всякую помощь в деле освобождения Неаполитанского королевства от власти французов.

V

Прибыв в Корфу, Сенявин с целью получения подробных сведений о ходе дел на материке отправил фрегат «Венус» в Рагузу, в столицу Рагузинской республики.

Прибытие русского корабля было восторженно встречено местными жителями и властями, которые с тревогой сообщали, что Австрия по Пресбургскому миру, заключенному после Аустерлица, отдала Наполеону Венецию и Далмацию и что французы, заняв их, двигаются на юг Балканского полуострова.

По возвращении в Корфу фрегата «Венус» командир его подробно доложил главнокомандующему о всех полученных им известиях в Рагузе.

Одновременно Дмитрий Николаевич был уведомлен о том, что в Венеции и Далмации состоялось взаимное соглашение оказывать содействие друг другу.

Желая возможно скорее разрушить планы Бонапарта, Сенявин решил занять своими войсками область Катаро, установить тесную блокаду всех уступленных французам австрийских областей, а также предупредить завладение Рагузой.

Учитывая создавшуюся обстановку и сознавая всю ответственность за промедление, Сенявин поставил себе целью немедленное начало самых решительных действий для предупреждения дальнейших шагов французов.

Придя к твердому решению искать и уничтожить неприятеля, Сенявин, естественно, выходил из рамок данной инструкции, беря на себя ответственность за последующее. Впрочем, события шли так быстро, что испрашивать приказаний из Петербурга и ждать разрешения было невозможно.

Н. Д. Каллистов в описании сенявинских кампаний* так характеризует создавшееся положение вещей: «В твердом убеждении избытка своих сил, не расходовать которых полностью значило, по мнению адмирала, не наносить наибольшего вреда неприятелю, Сенявин, кроме задачи, указанной ему инструкцией, избрал себе и новую: не оборону, а наступление — и в новом районе, инструкцией вовсе не предусмотренном — у... берегов Адриатики.

Вот в кратких чертах объяснение положения, которое по приходе своем в Корфу занял Сенявин. Что же касается того, насколько намеченный им план действий соответствовал тогдашней политической обстановке, то надо признать, что это самостоятельное выступление Сенявина до сих пор остается... примером тонкого, очень искусного политического шага.

Действительно, политическое положение было таково: по Пресбургскому миру Австрия отдала Наполеону не только Венецию и Далмацию, но вместе с Венецией уступала и область Боко-ди-Катаро (иначе — Приморская или Бокезская область), нарушая тем права бокезцев, которые сами только после падения Венеции, в 1797 г., перешли под покровительство Австрии на том же условии, на котором до этого они были подвластны Венеции. Особым договором было установлено, что Венеция, считая область Боко-ди-Катаро состоящей под своим покровительством, не имеет права уступать ее никакой другой державе; в случае же бессилия Венеции отстоять для Боко-ди-Катаро это условие, область получит полную от нее независимость и по своему выбору может просить покровительства у всякой другой державы.

Уступив Наполеону после Аустерлица Боко-ди-Катаро, австрийский император тем самым нарушил при-

* «История русской армии и флота», т. IX. Война с Францией 1805—07 гг., стр. 82—84.

знанные им же права этой области и, естественно, вызвал у бокезцев сильнейшее негодование и желание искать покровительства у... России, флот которой, как они знали, находился в Корфу. Маленькая область (границы ее — с севера Рагуза и Герцеговина, с востока Черногория, с запада и юга Адриатическое море и залив Боко-ди-Катаро), населенная... сербами, почти не отделявшая себя от Черногории, проявила редкое единодушие в вопросе о своей судьбе. Не желая подчиняться Наполеону, войска которого уже направлялись в Боко-ди-Катаро, бокезцы должны были прежде всего справиться с австрийскими гарнизонами, которые, занимая в области... 8 крепостей, только ждали прихода французов, чтобы передать им область. Негодование бокезцев против Австрии вызвало с ее стороны всяческие притеснения, особенно усилившиеся после того, как австрийцы узнали о приверженности бокезцев к России.

Эти притеснения привели, наконец, бокезцев к открытому восстанию против Австрии. В церкви после богослужения один из народных вождей произнес речь, в которой, указав на предательство австрийского императора, призывал бокезцев отдаться под покровительство России. «Мы стоим, — говорил он, — на краю гибели, бездна под ногами нашими. Отечество в опасности, одна стезя остается нам к свободе: меч и храбрость ваша покажут вам ее». Все бывшие в церкви дали клятву умереть или избавиться от ига; в несколько часов народ вооружился, и восстание... распространилось по всей области.

Началось с того, что в Катаро ударили в набат и объявили австрийскому губернатору, что весь народ до последней капли крови готов защищать свою независимость...

Эти обстоятельства заставили Сенявина взять на свой страх и риск и оставление сухопутных войск и

задуманное им выступление в Катаро: первое противоречило высочайшему повелению на имя Ласси, на второе он не имел никаких полномочий. Что Сенявин при этом руководствовался исключительно... горячим желанием принести... пользу России — это понятно.

Сенявин рассуждал так: Пресбургский мир дал Наполеону Боко-ди-Катаро, которое с этого момента и стало французским; а так как Россия находится в войне с Францией, то ни с австрийцами, как и ни с кем другим русский адмирал не находил нужным считаться в своих действиях против любой территории Франции, в том числе после Пресбургского мира и против Боко-ди-Катаро.

В этом сразу же сказался Сенявин. И, конечно, можно понять, почему прибытие его с эскадрой в Корфу так подняло дух подчиненных ему флота и войск, так окрылило светлой надеждой бокезцев и черногорцев».

Действительно, появление Сенявина в Катаро было встречено всеобщим восторгом.

Вскоре Сенявин со своим флотом отправился в Корфу.

Придя 27 марта 1806 г. за подкреплениями в Корфу, главнокомандующий получил поразившее его и всю эскадру повеление Александра I, датированное декабрем 1805 г.: «По переменявшимся ныне обстоятельствам, пребывание на Средиземное море состоящей под начальством вашим эскадры сделалось не нужным и для этого соизволяю, чтобы вы при первом удобном случае отправились к черноморским портам нашим со всеми военными и транспортными судами, отделенными ныне от Балтийского, так и Черноморского флота, и по прибытии к оным, являясь к главному там командиру адмиралу маркизу де-Траверсе, состояли под его начальством. Буде бы сие застало вас в таком месте, где вы иметь можете сношение с генералом Ласси и он потребовал бы от вас, чтобы посадить на суда войска на-

ши для доставления к своим портам, представляю вам принять оные...»

Столь поразительная перемена распоряжений правительства объяснялась победами Наполеона. Австрия после своего поражения при Аустерлице заключила мир с Францией и отпала от союза. Оставленная союзниками Россия принуждена была или продолжать войну одна или заключить мир.

Выбор был сделан, и Александр I послал в Париж уполномоченного Убри для переговоров с Наполеоном. Одновременно было приказано прекратить военные действия.

Между тем Белли с успехом действовал у Далматинского побережья.

30 марта, подойдя со своим отрядом к острову Курцало, Белли, сбив в короткое время убийственным огнем неприятельские батареи, принудил французов сдать крепость. В числе трофеев были 12 пушек, различные запасы и 9 мелких судов. В плен были взяты комендант, 7 офицеров и 252 солдата.

Сенявин, видя полную готовность к борьбе боксцев и далматинцев, успехи отряда Белли и будучи уже почти хозяином в Адриатике, медлил с исполнением полученного приказа, надеясь на его отмену. Вместе с тем, чтобы не терять времени, он отправился в Катаро для дальнейшего выполнения своего плана.

Однако, чтобы это решение не носило характера явного ослушания, он отправил корабль «Мария Магдалина», фрегаты «Крепкий», «Назарет» и 4 транспорта в Черное море. На одном из них отправился генерал Ласси, получивший также приказание возвратиться.

Перед самым уходом Сенявина из Корфу Моцениго уведомил его, что по полученным им депешам из Петербурга видно, что генерал Ласси оставлен командовать морскими и сухопутными силами в Средиземном море.

Адмирал, чтобы выяснить свое положение и узнать, кто же из них должен быть главнокомандующим, вскрыл адресованный на имя уже отбывшего Ласси пакет, в котором было сказано, что все силы, находящиеся в Средиземном море, должны остаться попрежнему в нем. Об этом он поспешил уведомить генерала, но посланный в Константинополь бриг уже не нагнал Ласси.

19 апреля Сенявин вместе с шестью ротами егерей, посаженными на два корабля и фрегат, пришел в Бокди-Катаро. Здесь он получил сведение, что французы значительно усилили свои войска в Далмации.

Не имея до сих пор ответа из Петербурга на донесение свое о занятии Катаро и о намерении действовать в Далмации, а также не зная, кто теперь назначен главнокомандующим, Сенявин решил пока не переходить в наступление.

Наконец, Сенявин получил рескрипт, в котором Александр I, одобряя занятие Катаро, разрешал действовать по своему усмотрению, вторично утвердив его в должности главнокомандующего.

«Радость и клики народа не умолкают», — пишет Броневский, офицер эскадры Сенявина, по этому поводу в своих записках.

26 апреля Сенявин отправился с кораблями «Селафил» и «Св. Пётр» для осмотра острова Курцало.

Подойдя к нему, адмирал не обнаружил на нем нашего флага. На берегу были видны французские солдаты, занимавшие караулы.

Оказалось, что накануне ночью отряд французов в 350 человек напал на наш малочисленный отряд и занял остров.

Адмирал решил немедленно прогнать французов и взять Курцало обратно. Вследствие сильного волнения десант оказалось возможным высадить лишь на следующий день. Но пока его свозили, неприятель в пани-

ческом бегстве оставил остров, переправившись на шлюпках на Рагузинский берег. Однако часть французов была взята в плен и обменена на людей нашего отряда, подвергшегося нападению. Кроме того, из 7 канонерских лодок (2 ушли до прибытия Сенявина) 5 были взяты фрегатом «Автроил».

Отдав приказание об удержании острова и оставив для охраны его более сильный отряд, чем раньше, адмирал отбыл с отрядом в Рагузу, чтобы лично войти в сношения с сенатом Рагузинской республики.

В Рагузе Дмитрий Николаевич был принят с большими почестями и торжеством. Здесь он заключил с сенатом условия, по которым республика обязывалась в случае вступления французских войск на ее территорию принять русский вспомогательный десант и вооружить достаточное число своих граждан для совместных действий. Кроме того, адмирал оставил в канале Каламато фрегат «Михаил» с приказанием в случае появления французов по первому требованию сената оказать всю возможную помощь рагузинцам.

Обстоятельства не позволили главнокомандующему долго оставаться в Катаро.

Командир пришедшего из Триеста фрегата «Венус» доложил ему, что австрийцы по настоянию Наполеона задержали славянские торговые суда, находившиеся в этом порту, а военным русским судам было предложено не подходить к Триесту ближе, чем на пушечный выстрел.

Возмущенный такой дерзостью Сенявин поспешил в Триест с кораблями «Селафаил», «Св. Петр», «Москва» и фрегатом «Венус». Придя туда, он стал под самыми батареями города и расположил эскадру в боевом порядке. Напрасно австрийский комендант фельдмаршал Цах требовал удаления русских судов на пушечный выстрел. «Стреляйте, — ответил Сенявин, — я увижу, где ваши ядра лягут и где должно мне стать». Ночью Цах

прислал адмиралу копию с повеления австрийского императора о закрытии своих портов для русских. «Объявление ваше я получил и оставляю порты, лишь только исправлю некоторые повреждения моих кораблей», — ответил на это адмирал с целью выяснить положение. Начались переговоры. Австрийские дипломаты уверяли Сенявина в искренней дружбе, всю вину сваливали на Наполеона, грозившего вторжением двадцатитысячной армии, находившейся около Триеста. Но все было напрасно.

Русский главнокомандующий был непоколебим. Отпуская австрийских чиновников, он им сказал: «Теперь нет времени продолжать бесполезные переговоры. Вам должно избрать одно из двух: или держаться точного смысла прав нейтралитета или действовать по внушению французских генералов. Мой выбор сделан, и вот последнее мое требование: если час спустя не будут возвращены суда, вами задержанные, то я силою возьму не только свои, но и все ваши, сколько их есть в гавани и в море. Уверяю вас, что двадцать тысяч французов не защитят Триеста. Надеюсь, однако же, что через час мы будем друзьями. Я только и прошу, чтобы не было малейшего виду, клонящегося к оскорблению чести российского флага, и собственно, для вашей же пользы, чтобы не осталось и следов неудовольствия. Скажите генералу Цаху, что теперь от него зависит сохранить дружбу..., которая столько раз была вам полезна и впредь может пригодиться. Уверьте его, что через час я начну военные действия».

В этих словах сказался весь Сенявин. Только Сенявин способен был взять на себя всю тяжесть ответственности, если бы Австрия была втянута в войну с Россией. Но Сенявин знал психологию и положение австрийцев. Здесь в нем особенно ярко сказался дальновидный политик и дипломат, не менее талантливый, чем флотоводец. Своей твердостью Сенявин до-

бился своего и этим поддержал уже окончательно распадавшийся союз наш с Австрией.

Русские корабли уже готовы были к бою, как явился посланный от Цаха с изъявлением его согласия на все требования главнокомандующего.

И через час все торговые суда, задержанные в Триесте, расцвеченные флагами, вышли из гавани. Вслед за ними наша торжествующая эскадра покинула город.

Из Триеста Сенявин направился в Боко-ди-Катаро.

В это время 3 000 французов, пройдя через турецкие владения, вошли в Рагузинскую республику и заняли Новую Рагузу. С занятием последней Наполеон объявил, что независимость и нейтральность этой республики будут восстановлены лишь тогда, когда русские очистят Катаро, Корфу и другие бывшие Венецианские острова и пока эскадра адмирала Сенявина не удалится от Далматинского побережья.

Узнав об этом в день ухода из Триеста, Дмитрий Николаевич приказал капитану 1 ранга Белли ввиду близости Курцало к Рагузе спустить на нем русский флаг, снять наши караулы и следовать со своим отрядом в Боко-ди-Катаро, где назначалось сосредоточение сил всего флота.

Сделав распоряжения на случай появления французов в Катаро, Сенявин снялся с якоря и пошел в Старую Рагузу.

Здесь он получил подробные сведения от черногорского митрополита, что французы, подкупив сенаторов, без всякого сопротивления заняли республику.

Узнав об измене, митрополит, предводительствуя черногорскими войсками вместе с тремя ротами русских под командой майора Забелина, перешел границу и в 5 километрах от Старой Рагузы дал французам сражение. Непрерывные бои с неприятелем продолжались в течение четырех дней. Французы потеряли в этом

сражении убитыми 8 офицеров и 550 солдат, с нашей стороны раненых и убитых было всего 50 человек. Русскими и черногорцами были заняты крепость и город Старая Рагуза, где были взяты 4 пушки, 1 знамя и много боевых и продовольственных запасов. Неприятель, понесший значительные потери, принужден был отступить в Новую Рагузу с командующими над ней высотами. Успеху русских войск очень много помог корабль «Уриил», ожесточенным огнем поражавший с моря французов.

Не зная в точности сил неприятеля, Сенявин первым долгом установил тесную блокаду побережья.

Для облегчения же взятия Новой Рагузы им было решено сперва занять два важных пункта: один со стороны суши — церковь на высокой горе, другой с моря — остров Св. Марка.

5 июня русская эскадра бросила якорь около Рагузы. В тот же день на берегу произошло сражение, которое длилось шесть часов. Русские вместе с бокезцами и черногорцами под общим начальством полковника Вяземского одержали блестящую победу, заняли горный хребет над Рагузой и отняли у неприятеля 13 пушек.

6 июня был высажен с кораблей десант на остров Св. Марка, но после неудавшегося штурма находившегося на нем укрепления должен был отступить.

Избегая больших потерь в людях, Сенявин решил ограничиться возможно тесной блокадой и отложил пока взятие острова.

С 10 июня главнокомандующий приказал начать правильную осаду Новой Рагузы. С этой целью возведенные на захваченных нами высотах батареи открыли убийственный огонь. Многие рагузины, раскаивавшиеся в измене России, приходили с повинной к Сенявину, но он не принимал их больше в ряды своего войска.

Осада затянулась. Успех ее был переменный.

Распространившиеся среди бокезцев и черногорцев слухи о том, что русский посол в Вене ведет переговоры о передаче Боко-ди-Катаро австрийцам, а те отдадут его Наполеону, приводили их в уныние, почему Сенявину приходилось продолжать осаду почти одними собственными силами. В это же время французы получили большое подкрепление. Видя неравенство в силах, упадок духа у союзников, а главное, встревоженный сам переговорами в Вене, Сенявин снял осаду и возвратился в Катаро.

Слухи, встревожившие бокезцев и черногорцев, оказались справедливыми. В Вене, действительно, уже была решена участь Боко-ди-Катаро.

Избранные представители бокезцев и черногорцев обратились к Сенявину с просьбой о помощи в их борьбе за независимость.

Бокезский и черногорский народы были готовы с оружием в руках защищать свою честь и независимость, предпочитая смерть постылому рабству.

Что оставалось делать Сенявину?

С одной стороны, надо было исполнять повеление из Петербурга, которое не сегодня-завтра должно притти, с другой — он не мог бросить целый народ, просивший и умолявший о своем спасении и защите.

И снова, беря на себя ответственность, он ответил им следующим: «Пошлем к государю избранных из именнейших граждан, будем вместе надеяться на его милосердие или на перемену неприятного положения политических дел... До тех пор, сколько будет возможно, не оставлю вас, храбрый и великодушный народ. Принимаю на себя всю ответственность, готов защищать вас всею силою и охотою. Успокойтесь и не предавайтесь отчаянию...»

Сенявин стал усиленно готовить Катарские крепости к обороне.

Видя приготовления главнокомандующего, бокезцы и черногорцы оживились, воспрянули духом и с прежним воодушевлением стали помогать ему.

Две недели прошло в томительном ожидании.

Наконец, Дмитрий Николаевич получил от министра иностранных дел князя Чарторыйского давно желаемое известие, что Александр I, одобряя вполне занятие Боко-ди-Катаро, разрешает остаться ему со всем флотом в Адриатике. Сухопутные войска, отправляемые из неаполитанского королевства в черноморские порты, также было приказано оставить и разместить на Ионических островах.

Разрешение это было встречено бурей восторга, тяжелая гора спала с плеч Сенявина.

Но радость была непродолжительна.

Вслед за этим распоряжением к адмиралу прибыл 21 июля из Анконы французский офицер с письмом от Убри (русский уполномоченный в Париже).

Убри сообщал Сенявину, что 8 июля дружеские отношения между Россией и Францией восстановлены и что им подписан вследствие полномочия, данного ему Александром I, мирный договор, по которому русские обязались очистить Далмацию, а Катаро сдать французам.

Новый упадок духа у бокезцев, новые просьбы их к Сенявину не оставлять или разрешить им следовать за ним.

И Сенявин снова обещал не покидать их и, к величайшему удивлению французского офицера, наотрез отказался от исполнения предъявленных к нему требований, отвечая, что он исполнит все это лишь тогда, когда получит личное повеление Александра I.

VI

Между тем Наполеон, свергнув неаполитанского короля, возвел на его престол брата своего Иосифа,

другого брата, Людовика, провозгласил королем Голландии, а себя объявил протектором Рейнского союза, резко изменив тон по отношению к России. Вследствие этого Александр не утвердил заключенного Убри договора и решил продолжать войну, приказав известить об этом Сенявина.

Исполняя это приказание, товарищ министра военных морских сил вице-адмирал Чичагов уведомлял, что волей царя является «повсеместное продолжение военных действий...»

Решено было возобновить операции против Рагузы. Но Сенявин не сразу принялся за это.

Он стал ожидать, пока батареи, возводимые французами на мысе Остро, не будут готовы, с целью сперва завладеть ими, а затем уже, имея в руках хорошо укрепленный пункт, со всеми силами обрушиться на Рагузу.

Желая в то же время привлечь к борьбе и герцеговинцев, Сенявин обратился к ним с воззванием, приглашая к совместным действиям против французов, на что те с готовностью откликнулись.

Как только батареи были построены, Сенявин предложил французскому главнокомандующему маршалу Мармону сдать их ему. Получив отказ, Сенявин 31 августа возобновил блокаду Новой Рагузы.

Через два дня соединенный отряд русского десанта и славянских войск напал на французов и нанес им большой урон.

7 сентября корабль «Св. Петр» и фрегат «Венус» сбили батареи на мысе Остро.

13 сентября все укрепления на этом мысе были взяты, причем было захвачено 38 орудий и несколько мелких судов.

20 сентября Мармон, решив овладеть всей Катарской областью, дал генеральное сражение. Соотношение сил позволяло французам надеяться на решительную

победу над русскими. У них было 20 000 против всего 5000 человек.

Однако результатом столкновения было новое поражение французов.

После сражения Мармон поспешно отступил к Рагузе, имея колоссальные потери.

В этот день русские моряки отбили у неприятеля 50 пушек, а военные корабли во время бегства французской армии захватили различных призов на сумму около миллиона рублей.

После отступления неприятеля наступил почти двухмесячный перерыв в военных действиях.

27 ноября Сенявин с 3 кораблями, 1 фрегатом и 2 транспортами подошел к острову Курцало, который был занят французами после его оставления нашим отрядом. На предложение русского адмирала сдаться комендант отвечал пренебрежительным письмом, в нем подчеркивалось, что войска Наполеона «не боятся иррегулярных сил» Сенявина.

Столь заносчивый ответ не мог остаться без должного возмездия.

Открыв сокрушительный огонь со всех кораблей, Сенявин заставил коменданта быстро сдаться без всяких условий.

Н. Д. Каллистов в своем исследовании «Русский флот и Двенадцатый год» приводит интересные документы, относящиеся к взятию крепости Курцало и переговорам о сдаче ее: «...Комендант крепости Курцало, когда к ней с несколькими судами подошел Сенявин, писал 29 ноября:

«Я получил, господин адмирал, послание ваше через вашего адъютанта; никакие обстоятельства не могут меня заставить забыть то, в чем мой долг перед моим государем и самим собою: французы умеют сражаться и жертвовать свою жизнь, если нужно, нежели уступить место, вверенное им для защиты; войскам моим

известно о иррегулярных * ваших, но они их не боятся; я согласен с вами, что нужно шадить кровь жителей, но я никогда не смогу упрекнуть себя в том, чтобы я был этому причиной. Это вашему превосходительству их должно шадить и против одних нас только направить свои силы».

Его же письмо от 30 ноября:

«Господин адмирал,

Вы весьма справедливы и потому не станете осуждать поступок мой. Вчера, когда ваше превосходительство удостоили меня своим письмом, мне никак невозможно было вступить с вами в переговоры. Честь моя страдала бы, если бы я отдал вам город, не сделав ни одного выстрела, я был бы человек погибший и особенно лишился бы вашего уважения. Теперь гарнизон надеется на ваше великодушие... и потому позвольте нам выйти из города со всеми военными почестями...»

«Я отдал приказание прекратить огонь, о чем и вас прошу распорядиться со своей стороны».

Второе письмо от того же 30 ноября:

«Господин адмирал,

Я имел честь получить второе ваше требование. Корпус офицеров, который я собрал, согласен на него. Несчастное положение, в котором мы находимся, принуждает нас положить оружие. Я прошу вас от имени моего гарнизона несколько смягчить наши договоры, в чем надеемся на вашу милость...» **

Сенявин не принял никаких условий, и в тот же день весь гарнизон был взят в плен.

Вслед за Курцало капитулировал и остров Браццо.

* Презрительный намек на то, что против французского гарнизона Сенявин мог бы выставить только сборный судовой десант из матросов, солдат, черногорцев.

** Н. Д. Каллистов. Русский флот и Двенадцатый год. СПб, 1912, стр. 9—10.

С захватом последнего окончились военные действия в 1806 г.

Новый год Сенявин с большей частью своей эскадры встретил в Катаро.

В начале января к нему присоединился отряд капитан-командора Игнатьева, пришедший из Кронштадта. Он состоял из 5 кораблей, 1 фрегата и 1 корвета.

Занятый в продолжение 1806 г. операциями исключительно в Адриатическом море, Сенявин в то же время внимательно присматривался к Турции, действия которой начинали вызывать его опасения.

Подозрения Сенявина оказались справедливыми: благодаря интригам Наполеона владетельный и почти независимый от Порты Али-Паша Янинский (Албания) в начале 1807 г. вознамерился осуществить внушенное ему французами желание занять некоторые из Ионических островов.

Чтобы воспрепятствовать этому, Сенявин, оставив в Адриатике отряд капитан-командора Баратынского для охраны занятых областей и поддержки славян, сам с кораблями «Рафаил», «Селафаил», «Мощный», «Скорый», корветом «Флора» и транспортом «Херсон» 8 января ушел из Катаро в Корфу.

Наступившее вскоре в Адриатике затишье указывало на приближение мира с Францией. Зато отношения с Турцией делались все более и более натянутыми.

Уже после Аустерлица сделалось ясным, что Порта открыто пользуется покровительством Наполеона, стремившегося сделать из нее своего послушного агента. Турция одной из первых признала его императором, в чем ему отказывали до сего времени Англия и Россия.

Добиваясь осуществления «континентальной системы», Наполеон стремился всеми мерами воздействовать на Россию. В предвидении столкновения с последней Наполеон настойчиво желал войны между ею и Турцией. Этим достигалось разделение Россией ее сил на

два фронта и тем самым ослабление их. Целый ряд нарушенных Портой обязательств перед Россией послужил поводом к объявлению ей войны.

Прибыв в Корфу, Дмитрий Николаевич получил новое доказательство преданности местного населения островов. Жители Корфу преподнесли ему от имени всего народа золотые, усыпанные бриллиантами шпагу и жезл.

В Корфу граф Моцениго сообщил Сенявину о продолжающихся вооружениях со стороны Али-паши Янинского. Однако официального сообщения о разрыве дипломатических сношений с Портой из Петербурга еще не было получено.

Вследствие этого Сенявин не приступал к военным действиям, а ограничился письмом к Али-паше, в котором выразил свое удивление по поводу его действий, заключавшихся в задержании им русских консулов, в аресте нескольких судов Ионической республики и в усиленных военных приготовлениях. В письме этом Сенявин писал: «...требую от вас, чтобы вы немедленно приказали отпустить наших консулов, равно как и суда, людей и все их имущество и притом требую, чтобы было свободное сообщение между матерым берегом и здешними островами, которые пользуются покровительством, как августейшего моего двора, так и Порты Оттоманской. Ежели вы на мои требования не согласитесь и не дадите мне ответа в продолжение 6 дней со дня прибытия этого корабля в Буцентро, то я буду почитать вас отступленником вашего государя и тогда предприму пристойные к тому меры».

Зная решительность и твердость русского главнокомандующего, Али-паша не замедлил согласиться на все требования и объявить себя нейтральным и добрым соседом республики.

Вскоре после этого Дмитрий Николаевич получил через нашего поверенного копию с рескрипта турецкого

султана на имя великого визиря. В нем объявлялось: «Призвав помощь всемогущего бога, произведшего нас из ничего, и покровительство пророка Магомета, как предмета нашей славы и установителя нашего закона, я решился объявить войну россиянам, препоручив себя от всего сердца милости и провидению божию».

Узнав о начале войны и имея приказ Александра I: «приступить к военным действиям, как только будет достоверно известно о разрыве с Портою», Сенявин немедленно принялся за спешные приготовления своей эскадры.

Почти одновременно им было получено из Петербурга известие о разрыве дипломатических сношений с турками, а вслед за ним приказание приложить все усилия к взятию Константинополя для нанесения решительного удара столице Порты.

Вместе с тем Сенявину была прислана новая инструкция. Ею предписывалось: занять все важные пункты в Архипелаге, пресечь сообщение между Константинополем и малоазиатским берегом, блокировать египетские порты, уничтожить турецкую торговлю, установить и поддерживать крейсерством сообщение между Корфу, Боко-ди-Катаро и Архипелагом, стараться иметь сношения с главнокомандующим русской армией в Молдавии и Валахии.

Для выполнения всего этого Сенявину разрешалось просить помощи у англичан, которые продолжали быть в союзе с нами.

Ему также предписывалось держать несколько наших кораблей у берегов Неаполитанского королевства «дабы мы могли равномерно сохранить и впредь влияние наше на политический ход дел в отношении неаполитанского короля».

Далее в инструкции говорилось: «По отправлении вашем с эскадрой к Дарданеллам, когда вы, пришед к оным, дождетесь способного к переходу ветра, то ста-

раться всемерно учинить сие, преодолевая все опасности и имея в виду достижение самого Константинополя. Если бы понадобилось атаковать дарданелльские укрепления с берегу, то и сие стараться произвести с усилием и решительностью. Само собой, однакож, разумеется, что при всех столь важных предприятиях соблюсти должно будет все меры осторожности и благоразумия и не иначе как по точном рассмотрении возможности достижения цели. Решиться на оное должны вы будете, ведая, что как добрые, так и худые следствия не иному к чему, как собственным дарованиям и искусству вашему отнесены будут».

Из этого можно заключить, как много возлагалось на Сенявина и как уверены были в нем в Петербурге.

Приступив к выполнению нового приказания, Сенявин тотчас послал один из своих корветов к английскому адмиралу Дукворту, прося его выделить часть своих сил для содействия ему в блокаде Дарданелл, а сам со всеми судами отправился в Архипелаг. Это было 1 февраля 1807 г.

23 февраля эскадра встала на якорь у острова Тенедоса, где находилась и английская эскадра под флагом адмирала Дукворта. Оказалось, что Дукворт, уклоняясь от совместных действий с русским флотом, уже пытался овладеть Константинополем своими силами. Прорвавшись через Дарданеллы в Мраморное море, английская эскадра появилась перед Константинополем, но не смогла принудить турецкое правительство к выходу из войны и расторжению союза с Наполеоном. Потеряв время в бесплодных переговорах и имея на эскадре недостаток в продовольствии и воде, Дукворт был вынужден к возвращению в Эгейское море. При обратном прорыве через Дарданеллы, укрепления которых за это время были значительно усилены турками при помощи французов, английская эскадра понесла большие потери в личном составе и получила значитель-

ные повреждения кораблей. Вследствие сего Дукворт категорически отказался от предложения Сенявина содействовать русской эскадре в операции против Константинополя и повторить прорыв через пролив.

Таким образом Сенявин оказался без поддержки и принужден был действовать самостоятельно.

На военном совете, собранном Сенявиным по этому поводу, было решено ввиду недостаточности сил для форсирования пролива и отказа англичан от совместных действий не предпринимать прорыва к Константинополю и ограничиться тесной блокадой Дарданелл.

Расчет этот был вполне правилен, ибо попытка прорыва могла привести к гибели флота, что в свою очередь резко изменило бы стратегическую обстановку в пользу противника.

Таким образом в этом решении Сенявин снова проявил во всем блеске свои качества тонкого политика и талантливого стратега и флотоводца.

На предложение Грейга сдаться комендант Тенедоса ответил, что турки до последней капли крови будут защищать этот ключ к их столице.

Не располагая достаточными силами, Грейг поспешил к Сенявину. Главнокомандующий, оставив два корабля блокировать проливы, тотчас же со всею эскадрой направился к Тенедосу.

8 марта началась атака острова. Очистив сильным огнем на берегу место для высадки десанта и заставив турок отступить на высоты, Сенявин высадил с судов 1660 человек при 6 орудиях и принял главное командование над ними.

После отчаянных штурмов, продолжавшихся два дня, Тенедос пал.

С занятием этого острова Сенявин получил превосходную базу для блокады проливов.

Теперь ему оставалось найти турецкий флот, дать ему генеральное сражение и тем достичь полного господства в Архипелаге. К этому и приступил Сенявин.

VII

Изучив противника еще во время ушаковских кампаний и зная по собственному опыту, что вызвать турецкий флот в открытое море возможно только разделением своих сил, Сенявин так и сделал: отряд Грейга он послал для демонстрации в Салоники с приказанием сейчас же возвращаться обратно, как только подует попутный ветер.

Между тем в Константинополе были недовольны бездействием турецкого флота.

Блокада Дарданелл давала себя знать жителям турецкой столицы: вздорожали продукты, многие из них были уже на исходе, угрожал голод, в народе был ропот. Оттоманское правительство категорически приказало флоту выйти в море и снять блокаду.

Попавшись на хитрость Сенявина, умышленно разделившего свои силы, турецкий адмирал решил немедленно напасть на наш флот с целью уничтожить его по частям. Предвидя это, Сенявин, уже соединившийся с Грейгом и с 2 кораблями, дополнительно пришедшими из Корфу, оставил 7 мая Тенедос.

Уход этот был вызван следующими соображениями, в которых с полным блеском проявилась оперативная мысль Сенявина.

Не было сомнения, что турки, увидев русский флот в полном его составе, не решились бы, несмотря на все приказания из Константинополя, выйти из Дарданелл. Ворваться в проливы и там заставить принять бой в узкости было невозможно: опыт эскадры Дукворта подтверждал это. Оставалось выманить турок в море и

тем удалить их от своих берегов и, навязав им бой, пресечь возможность обратного ухода в пролив. Сенявин не сомневался, что турецкий адмирал не преминет попытаться отобрать обратно Тенедос, оставленный без поддержки флота, и тем увенчать себя лаврами победы над русскими, не рискуя своими кораблями.

Турки действительно приблизились к Тенедосу, пытались высадить десант, но были с большими потерями отбиты нашим гарнизоном, после чего ушли к островам Мавро под азиатский берег. Сенявин, задержанный противным ветром, несколько опоздал. Только 9 мая он мог возвратиться к Тенедосу.

На следующий день, 10 мая, в 2 часа дня русская эскадра снялась с якоря и, пользуясь свежим ветром, пошла отыскивать неприятеля.

Как только турецкий флот заметил эскадру (острова Мавро расположены в нескольких милях от Тенедоса), он спешно покинул свою стоянку и направился к Дарданеллам.

Сенявин, подняв сигнал: «Нести все паруса и напасть на неприятеля по способности», бросился в погоню за ним.

Свежий ветер стал постепенно слабеть и этим нарушил строй нашей эскадры. В 6 часов ветер опять усилился, и вскоре Сенявин догнал турок уже при входе в Дарданеллы.

Началось сражение.

Наши корабли, прорезая строй неприятеля, опередили бежавших в панике турок и, отрезав им вход в пролив, вступили с ними в бой в наступавшей уже темноте, под огнем береговых батарей.

Сенявин на флагманском корабле «Твердый» кинулся на корабль капудана-паши Сеид-Али (командующий флотом), подошел к нему так близко, что реи сошлись с реями противника, и залпом всего борта нанес жестокое поражение. «Уриил» вместе с «Ретвизаном» и

«Мощным» причинил большие повреждения кораблю турецкого вице-адмирала. «Сильный» хотел сцепиться на abordаж с кораблем неприятельского контр-адмирала, но смерть сраженного ядром командира, капитан-командора Игнатьева, помешала привести это в исполнение.

Бой окончился только к полуночи. Ветер совсем стих. Эскадра наша оказалась снесенной к европейскому берегу, под самые батареи Дарданелл. Сенявин приказал закрыть огни, спустить все гребные суда и, пользуясь темнотой, отбуксировал корабли из-под батарей. Когда рассвело, турки, заметив отходящий наш флот, открыли с батареей огонь, но суда были уже вне выстрелов. Выйдя из пролива, Сенявин стал на якорь у самого его выхода.

Рано утром с нашей эскадры были усмотрены три сильно подбитых неприятельских корабля. Грейгу приказано было преследовать их. Только один из них успел войти в пролив, остальные два принуждены были выброситься на берег под защиту батарей.

Этим окончилось Дарданелльское сражение, в котором, как и в предшествовавших боях, русские моряки показали храбрость и умение воевать, а адмирал Сенявин еще раз проявил свое флотоводческое искусство.

12 мая русский флот возвратился к Тенедосу, оставив 5 кораблей для продолжения блокады.

Блокада, как и предвидел Сенявин, оказалась в высшей степени действительной. В Константинополе вспыхнул голодный бунт, окончившийся свержением султана и избиением всех министров. Новый султан и его правительство, опасаясь возобновления народных волнений, настойчиво требовали от своего флота активных действий для снятия русской блокады. Турецкий флот принужден был снова выйти в Архипелаг.

К этому времени Сенявин, исправив повреждения на своей эскадре, решил ускорить выход противника в море. Для этого он прибегнул к уже испытанному спо-

собу разделения своих сил, полагая, что турки вновь попытаются уничтожить русский флот по частям. С этой целью он приказал контр-адмиралу Грейгу с его отрядом идти к острову Лемнос и попытаться взять его.

Грейг, исполняя приказание, высадил на остров десант, который, отбросив неприятеля, заставил его запелиться в крепости. На следующий день предполагался ее штурм, но ввиду получения срочного приказа от Сенявина вернуться к Тенедосу Грейг возвратил десант на корабли и оставил остров, захватив с собою 7 турецких мелких судов, нагруженных всяким продовольствием.

Расчет Сенявина снова оказался верным.

10 июня турецкий флот, состоящий из 10 кораблей, 6 фрегатов, 3 шлюпов и 2 бригов, под командой того же Сеид-Али показался в Архипелаге. Предвидя решительное боевое столкновение, Сенявин еще перед уходом с Тенедоса отдал свой знаменитый приказ по эскадре, в котором излагался план боя на случай встречи противника в море:

Нельзя не указать, что боевая организация эскадры была на столь высоком уровне, что за время сближения с противником с флагманского корабля был поднят только один сигнал: «Начать бой», в других указаниях и приказах командир не нуждались.

В этом еще раз сказались многолетние труды Ушакова и Сенявина в деле обучения и воспитания личного состава. Талантливый ученик не только воспринял тактические воззрения своего учителя, но и внес новые приемы в искусство ведения морского боя.

Приказ Сенявина гласил: «Обстоятельства обязывают нас дать решительное сражение, но покауда флагманы неприятельские не будут разбиты сильно, до тех пор ожидать должно сражения весьма упорного, по сему сделать нападение следующим образом: по числу неприятельских адмиралов, чтобы каждого атаковать двумя нашими, назначаются: «Рафаил» с «Сильным»,

«Селафаил» с «Уриилом» и «Мощный» с «Ярославом». По сигналу № 3 немедленно спускаться сим кораблям на флагманов неприятельских и атаковать их со всевозможною решительностью, как можно ближе, отнюдь не боясь, что неприятель пожелает зажечь себя.

Прошедшее сражение 10-го мая показало, что чем ближе к нему, тем от него меньше вреда, следовательно, если бы кому случилось и свалиться на абордаж, то и тогда можно ожидать вящего успеха. Пришед на картечный выстрел, начинать стрелять. Если неприятель под парусами, бить по мачтам, если же на якорю, то по корпусу. Нападать двум с одной стороны, но не с обоих бортов; если случится дать место другому кораблю, то ни в каком случае не отходить далее картечного выстрела. С кем начато сражение, с тем и кончать или потоплением или покорением неприятельского корабля. Как по множеству непредвиденных случайностей невозможно сделать на каждый положительных наставлений, я не распространяю их более; надеюсь, что каждый сын отечества почтится выполнить долг свой славным образом.

Дмитрий Сенявин».

В своем труде «Введение в курс истории военноморского искусства» проф. Кладо определяет этот приказ как «превосходный образец сознательного и оригинального творчества, прекрасно примененного к обстановке». «После таких указаний, — говорит он, — всем на эскадре было ясно, чем руководствуется и чего хочет адмирал».

Действительно, изложенный Сенявиным в приказе план боя намечал:

а) проведение решительного сражения, причем, исходя из предшествующего опыта и знания противника, главный удар наносился турецким флагманам с целью возможно скорее нарушить боевое управление противника и дезорганизовать его действия;

б) выполнение главной атаки путем сосредоточения сил, где против каждого турецкого флагмана выделялось по два своих; для обеспечения сосредоточенного удара вводился новый прием — одновременная атака двумя кораблями с одного борта;

в) предоставление командирам полной инициативы для принятия решений в условиях меняющейся обстановки.

В приказе звучит полная уверенность в знаниях и доблести командиров и всего личного состава. Сенявин не сомневается в боевой выучке и искусстве маневра своей эскадры. Но этим не ограничивается замысел Сенявина. Оформив в приказе идею главной атаки, он вместе с тем не оставляет без внимания и вопроса об обеспечении этой атаки.

Назначив из десяти своих кораблей шесть для атаки турецких флагманов, Сенявин четыре остальных удерживал в своем распоряжении, чтобы в зависимости от изменения обстановки во время боя или иметь возможность поддержать и усилить главную атаку или связать боем остальные корабли противника (особенно головные — при себе на ходу) и тем лишить их возможности оказать помощь своим атакованным флагманам.

В ночь на 15 июня турецкий флот вместе с десантной флотилией, воспользовавшись уходом русского флота от Тенедоса, спешно спустился к этому острову и начал бомбардировку крепости, подготавливая высадку десанта для ее захвата. Эскадра Сенявина, лавируя при слабом ветре в направлении к Дарданеллам, в это время находилась за островом Имброс.

17 июня утром Сенявин, наконец, смог обогнуть этот остров и появился перед проливом в расчете обнаружить здесь турецкий флот. Однако отсутствие последнего заставило сделать вывод, что противник вышел в море и, вероятнее всего, предпринял нападение на Тенедос. Форсируя парусами, Сенявин немедленно напра-

вился к последнему и здесь обнаружил турецкий флот стоящим на якоре.

За эти два дня защитники Тенедоса, отбив в первый день ряд попыток противника высадить десант, на следующий день под воздействием массированного огня всей турецкой эскадры вынуждены были отойти в крепость. Противник немедленно высадил десант и предпринял решительные атаки с целью захватить крепость до возвращения русской эскадры.

Обнаружив приближение русской эскадры, капудан-паша снялся с якоря и стал удаляться на юго-запад. Не зная положения на Тенедосе, Сенявин решил пока отказаться от преследования турецкой эскадры и подошел к острову. Выяснив, что у гарнизона подходят к концу снаряды, Сенявин сейчас же распорядился снабдить крепость боезапасами. Одновременно эскадрой были уничтожены все находившиеся у острова турецкие гребные суда, чем противник был лишен возможности доставлять подкрепления своему десанту с анатолийского берега. Для усиления обороны крепости из состава эскадры у Тенедоса были оставлены фрегат «Венус», бриги «Богоявленск» и «Шпицберген» и 2 вооруженных корсарских судна.

После этого Сенявин, спокойный за судьбу Тенедоса, с остальными десятью линейными кораблями 18 июня направился в море на поиски флота противника.

Пройдя к Дарданеллам и убедившись, что турецкая эскадра сюда не возвращалась, Сенявин спустился на юг и на рассвете 19 июня обнаружил противника стоящим на якоре под западным берегом острова Лемнос. Эскадра Сеид-Али насчитывала 9 линейных кораблей, 5 крупных фрегатов и 5 корветов и бригов. Их артиллерия насчитывала 1138 пушек против 728 на русских кораблях.

По сигналу «поставить все возможные паруса и спустаться на неприятеля» русская эскадра стала быстро

сближаться с противником, который немедленно снялся с якоря и, отойдя от Лемноса, стал выстраиваться в линию баталии. Три адмиральских корабля заняли место в середине кильватерной колонны, фрегаты же были поставлены во второй линии. Из них три держались против своих авангардных кораблей, а два — против концевых. Их назначением являлась поддержка главных сил в случае атаки головы или хвоста. Корветы и бриги расположились под ветром своих главных сил.

Когда турецкий флот выстроился в боевой порядок, он, несколько приспустившись, лег на норд. Дул легкий ост-норд-ост силой не выше 3—4 баллов.

В соответствии с приказом русская эскадра слушалась двумя колоннами. В левой шли 6 кораблей: «Мощный», «Ярослав», «Рафаил», «Сильный», «Селафаил» и «Уриил», предназначенные для атаки трех турецких флагманов, в правой — остальные четыре: «Твердый» (флаг Сенявина), «Скорый», «Ретвизан» (флаг Грейга) и «Св. Елена». В то время как первая колонна держала курс на середину линии противника, вторая имела целью выйти ему в голову.

В 7 ч. 45 м. по условному сигналу корабли колонны, разделившись по два, атаковали назначенных им турецких флагманов, не открывая, однако, огня до подхода на дистанцию пистолетного выстрела (50—60 метров). С достижением этой дистанции все шесть кораблей стали ложиться на параллельный курс и бой сделался общим.

Противник открыл огонь еще с предельной дистанции, стараясь бить по рангоуту и парусам с целью затруднить маневр атаки. Труднее всего пришлось головному кораблю второй пары «Рафаилу», который, имея сбитыми несколько парусов и повреждения в рангоуте, стал плохо слушаться руля, увалился под ветер.

Чтобы не мешать атаке остальных кораблей, он должен был прорезать линию противника и, выйдя из-под обстрела, приступил к исправлению повреждений. Этот маневр командир «Рафаила» капитан 1 ранга Лукин выполнил с исключительным мастерством, причем его корабль при прорезании строя неприятеля вел бой на оба борта. В жаркой схватке «Рафаил» потерял своего доблестного капитана и несколько десятков матросов. Тем не менее все исправления были быстро сделаны, и «Рафаил» снова вступил в бой, атакуя противника с подветра.

Остальные пять кораблей, точно заняв свои места, обрушили весь свой огонь на адмиральские корабли турок. Для первого залпа пушки были заряжены двумя ядрами.

Тем временем Сенявин со своей колонной, зайдя в голову, связал неприятельский авангард боем, не допуская его корабли оказать помощь своим атакованным флагманам.

Таким образом в первой, наиболее важной фазе боя обстановка в течение около двух часов полностью отвечала расчетам Сенявина. Бой протекал на двух участках: с авангардом противника, где против трех турецких кораблей действовали четыре корабля Сенявина и подошедший вскоре «Рафаил», и в центре, где пять русских кораблей громили трех флагманов неприятеля. Вне боя оставались три концевых турецких корабля, которые из-за слабости ветра не были в состоянии оказать поддержку своему центру.

Таким образом и в авангарде и в центре Сенявин располагал превосходством в силе при совершенном игнорировании концевых кораблей и фрегатов противника. Что же касается попыток передних турецких фрегатов оказать помощь головным кораблям, то они легко отбивались кораблями колонны Сенявина.

Выполнив охват головы противника, Сенявин на-

столько стеснил движение турецкого авангарда, что головной его корабль вынужден был лечь в дрейф. Задние корабли также должны были уменьшить ход, убрав часть парусов, в результате чего вся линия турок была приведена в расстройство.

К 11 часам турецкие флагманы, корабли которых получили повреждения, стали обнаруживать стремление спуститься под ветер, чтобы увеличить дистанцию боя.

Наиболее избитый из них корабль второго флагмана Бекир-бея «Седель-Бахри», дополнительно атакованный кораблем самого Сенявина «Твердым», прикрывшись двумя подошедшими к нему на помощь кораблями, поспешил выйти из боя, чтобы исправить свои повреждения. К полудню турецкие корабли утратив всякое подобие строя, с трудом выдерживали бой. Вскоре упорство противника было сломлено, и турецкие адмиралы первыми стали выходить из боя, повернув по ветру к Афону.

Ветер начал стихать, и более легкие на ходу турецкие корабли стали постепенно увеличивать дистанцию, следуя за своими адмиралами.

На короткий промежуток русской эскадре удалось возобновить бой, но в 13 часов совсем стихший ветер прервал бой.

Обе эскадры спешно приступили к исправлению повреждений. Чувствовалось, что противник торопится привести свои корабли в порядок, чтобы с появлением ветра выйти из боя совсем. Наиболее избитый «Седель-Бахри», потерявший большую часть рангоута и парусов, совсем упал под ветер и был сильно удален от своего флота, находившегося значительно севернее. Пользуясь кое-какими порывами ветра, к нему подошли из арьергарда корабль, фрегат и бриг, пытавшиеся увести на буксире корабль к своему флоту. Остальные суда всеми силами старались отойти возможно дальше на север.

После 14 часов ветер сразу переменился: задул легкий вост и турки получили наветренное положение. Уже не думая о бое, они привели в крутой бейдевинд и стали быстро уходить к северу от русской эскадры, находившейся под ветром.

Убедившись в безнадежности погони, Сенявин приказал «Селафаилу» и «Рафаилу» отрезать подбитый и отставший «Седель-Бахри» и прикрывающие его корабли.

Уже в наступившей темноте «Селафаил» догнал «Седель-Бахри» и быстро принудил его к сдаче. Прикрывавшие своего флагмана корабли, не вступая в бой, бежали. Однако за ночь им не удалось нагнать свой флот. С рассветом для их захвата Сенявин отрядил своего младшего флагмана контр-адмирала А. С. Грейга с кораблями «Ретвизан», «Сильный», «Уриил» и «Св. Елена». Едва турки увидели приближавшийся отряд Грейга, как все три корабля (линейный корабль, фрегат и корвет) устремились в ближайший залив, где, выбросившись на берег, предали свои суда огню. Три последовательных взрыва известили о гибели трех кораблей противника.

Все стремления остальных турецких кораблей сводились к скорейшему достижению Дарданелл. Однако и на пути сюда туркам пришлось сжечь еще один корабль и один фрегат, которые из-за повреждений оказались не в состоянии достигнуть безопасного убежища.

Таким образом из состава своего флота турки потеряли три линейных корабля (один взятым в плен и два сожженными), два фрегата (сожженными) и один корвет (сожженным), т. е. треть.

Принимая в течение двух последующих дней все меры, чтобы нагнать разбитого противника, Сенявин не мог не беспокоиться за судьбу оставленного им Тенедоса, где осажденный в крепости гарнизон мог оказаться в чрезвычайно тяжелом положении ввиду неравенства в силах с противником.

Окончательно увидев, что противника не догнать, 22 июня Сенявин принял решение идти к Тенедосу.

Подход эскадры к Тенедосу 25 июня был более чем своевременным. После ухода эскадры Сенявина турецкий десант предпринял решительные и не прекращавшиеся все время атаки слабо укрепленной крепости, гарнизон которой, истомленный постоянным напряжением сил, каждый момент ждал решительного штурма.

Едва корабли отдали якорь, как обстановка в корне переменилась. Турецкий десант оказался между двух огней. На первое же предложение Сенявина сдаться турки ответили согласием. Не имея возможности кормить и содержать лишних 5000 человек, Сенявин отпустил их на материк.

Изменилась и обстановка на море. Разбитый турецкий флот укрылся в Дарданеллах и более о борьбе за овладение морем не помышлял. Турецкое правительство обнаружило желание начать переговоры о перемирии. Сенявин получил полное господство в Архипелаге и возобновил блокаду Дарданелл, снятие которой для турок было теперь делом совершенно безнадежным.

Афонская победа вписала новые лавры в историю русского флота. Блестящий план Сенявина, высокая подготовка личного состава и его непоколебимое мужество и отвага явились высокими образцами русского военно-морского и флотоводческого искусства адмирала и доблести русского моряка, прославившего свое оружие на водах отдаленного Архипелага, уже не раз бывшего свидетелем выдающихся дел русского флота.

VIII

Однако радость одержанного успеха вскоре омрачилась слухами о заключении с Францией в 1807 г. Тильзитского мира и о вероятном прекращении военных действий против французов и турок.

Сенявин долго не хотел верить этим слухам, пока не получил 23 августа 1807 г. рескрипт Александра I, которым подтверждались слухи о заключенном мире. В рескрипте Сенявину повелевалось не только прекратить военные действия, но и немедленно вернуть Ионические и Далматинские острова и Боко-ди-Катаро Франции, а Тенедос — Турции и как можно скорее со всей эскадрой возвращаться в Россию.

В скором времени Сенявин получил новый рескрипт, требовавший скорейшего исполнения приказания.

Сенявину оставалось только повиноваться, и он со всей своей эскадрой отбыл с Тенедоса, сдав его туркам.

Здесь он узнал условия перемирия с Турцией, по которым русские войска должны были оставить Молдавию и Валахию и, кроме того, возвратить туркам все взятые у них суда и призы. Последнее было выше сил Дмитрия Николаевича, и он пренебрег им, не находя возможным отдавать боевые трофеи.

Корфу и все Ионические острова согласно договору занимали французы.

16 сентября глубоко огорченный Сенявин покинул с эскадрой Ионические острова.

«Когда первый отряд войск, собранных с острова, садился на суда для отплытия в Манфредонию или в Анкону, прощание жителей, — говорит Броневский, — с нашими солдатами, искреннее свидетельство народной к нам любви никакое перо описать не может...

Ударили в барабаны, войска тронулись и пошли к пристани. Не только улицы, площадь, но и все окна и крыши домов покрыты были народом, который в излишней признательности своей забыл, что он такою откровенностью раздражит новых своих властителей. С балконов сыпали цветами, иногда печальное молчание прерывалось голосом признательности и благодарности».

Итак, блестящая деятельность русской эскадры в Архипелаге была прервана Тильзитом.

Две секретные статьи, включенные в Тильзитский договор, уничтожили все труды и подвиги Сенявина и вверенных ему сил в Адриатике:

1) «Российские войска сдадут французским войскам землю, известную под именем Катаро».

2) «Семь островов поступят в полную собственность и обладание его величества императора Наполеона».

Третья статья — о возвращении Тенедоса туркам — уничтожала все сделанное Сенявиным в Архипелаге, свела на-нет плоды боевых успехов русского флота.

Наполеону мешала сенявинская эскадра, и он добился ее устранения. Больше того, он получил от Александра I право распоряжаться ею для осуществления своих замыслов. Сенявин и его эскадра были подчинены Наполеону.

Однако подвиги русских моряков и деятельность Сенявина не прошли бесследно. Замечательные дела эскадры Сенявина и самый факт пребывания ее в Средиземном море значительно укрепляли позиции русского правительства при переговорах и заключении мирного договора в Тильзите, который, обеспечив России передышку, дал возможность подготовиться к отечественной войне 1812 г.

В этом и заключалось прежде всего политическое значение боевых успехов эскадры Сенявина, стяжавших новую славу русскому флоту.

Однако Тильзит имел свои отрицательные стороны и в первую очередь был тягостен своими последствиями для русского флота. Он нанес серьезный ущерб развитию морского могущества России и надолго изменил ее морскую политику и отношение правительства Александра I к флоту.

* * *

Сенявину, как сказано выше, было предписано оставить Корфу и следовать в Балтийское море; одновре-

менно он предупреждался о натянутых отношениях с Англией, почему ему надлежало по возможности избегать встречи с ее флотом.

Вследствие этого Сенявину было необходимо во что бы то ни стало пройти Английский канал ранее объявления войны. Он надеялся, что правительство, оценив все заслуги его эскадры, примет все возможные меры, чтобы оттянуть начало военных действий хотя бы до тех пор, пока она не придет в Балтику.

Сенявин предполагал, что в Петербурге знают о ветхости его судов и их материальных недостатках, о которых он часто писал в своих донесениях, и, учитывая это, не допустят до неравной борьбы в открытом море слабых и не снабженных его судов с мощным английским флотом.

Но эскадра и ее командующий, только что принесшие России новые победные лавры, оказались представленными своей собственной участи.

Покинув Корфу, Сенявин со своими 10 кораблями, 2 фрегатами и 1 шлюпом на другой же день, 20 сентября, был застигнут штормовыми погодами, продолжавшимися около трех недель. Через несколько дней один из его кораблей, «Уриил», должен был вернуться обратно из-за полученных аварий, с остальными Сенявин благополучно прошел Средиземное море. По выходе из Гибралтара от него отделился шлюп «Шлицберген», пржкатый сильным ветром к берегам Испании и оставшийся там.

За этот переход все суда получили большие повреждения, которые необходимо было безотлагательно исправить, так как предстояло в скором времени проходить Английским каналом и быть готовым ко всяким случайностям.

Благоразумие требовало зайти в какой-нибудь нейтральный порт для починки судов и для отдыха команды.

28 октября Сенявин вошел в Лиссабон, где русская эскадра должна была поступить в полное распоряжение Наполеона.

В своем рескрипте Александр I писал Сенявину: «Признавая полезным, для благоуспешности общего дела и для нанесения вящего вреда неприятелю, предоставить находящиеся вне России морские силы наши в распоряжение его величества императора французов, я повелеваю вам, согласно сему, учреждать все действия и движения вверенной начальству вашему эскадры, чиня неукоснительно точнейшие исполнения по всем предписаниям, какие от его величества императора Наполеона посылаемы вам будут».

Можно себе представить, с каким чувством читал эти строки Сенявин.

Ему, столь недавнему разрушителю всех планов Наполеона, предлагалось из победителя превратиться в «неукоснительно исполняющего приказание подчиненного».

Более тяжелой обиды трудно было себе представить. Но даже и не это наполняло Сенявина горестными думами. Оборачиваясь назад, в недавнее прошлое, Сенявин не мог не видеть ошибочности нового курса русской политики. И смотря вещим взглядом в будущее, этот государственный человек ясно видел, что скоро, слишком скоро настанет момент, когда России снова придется напрягать все силы в борьбе за свою независимость.

Наполеон еще и раньше добивался получить эскадру Сенявина в свое распоряжение. Лишившись флота при Абукире и Трафальгаре и сознавая, хотя и поздно, всю важность мощной морской силы для борьбы с Англией, Наполеон после Тильзита неоднократно выражал желание, чтобы наша Средиземноморская эскадра поступила в его командование.

Начав переговоры с Петербургом и не сомневаясь в их благоприятном исходе, Наполеон решил немедлен-

но начать ее использование и с приходом Сенявина в Лиссабон обратился к нему с предложением поступить в его распоряжение.

Но не получив еще приведенного выше рескрипта, Сенявин резко отклонил это предложение, объявив, что будет придерживаться строгого нейтралитета.

Через несколько дней Лиссабон был заблокирован сильной английской эскадрой.

Положение адмирала и эскадры сделалось крайне тяжелым, тем более, что им из Петербурга не было получено с самого ухода из Корфу ни одного известия.

Неисправность еще его кораблей делала это положение крайне затруднительным.

Видя из отношений англичан, что политическая обстановка угрожает в недалеком будущем военными столкновениями, и не имея никаких руководящих директив, Сенявин, поспешив отправить курьера с объяснением своего положения в Петербург, принял все меры, чтобы не быть застигнутым врасплох английской эскадрой.

Между тем адмирал* блокирующего английского флота, предполагая, что пребывание русской эскадры в Лиссабоне есть следствие секретного договора новых союзников, не снимал блокады, с особенною тщательностью наблюдая за нашими судами.

11 декабря французский морской министр известил Сенявина, что Россия и Франция объявили войну Англии.

Только 14 февраля Сенявин получил, наконец, от правительства инструкцию о способах дальнейших действий. Адмирал Чичагов писал, что Александр I, «быв извещен о нахождении вверенной начальству вашего превосходительства эскадры в Лиссабонской гавани,

* Сперва Сидней Смит, а затем Коттон.

высочайше отозваться соизволил, что он в твердом останется уповании, что к обороне и обеспечению эскадры сей, при настоящих политических обстоятельствах, по воследовании разрыва между Россией и Англией, приняты уже вами все меры, какие только по благоразумию и по местным усмотрениям вашим изысканы быть могли. К сему его величество присовокупить изволил, что от известной неустрашимости вашей, искусства, испытанного усердия ко благу отечества, он ожидать изволит, что в случае, когда эскадра, под начальством вашим состоящая, подвергнется нападению англичан, неприятель будет отражен и честь российского флота защитится; если ж бы ваше превосходительство атакованы были гораздо превосходнейшими силами и нашлись в совершенной невозможности не только к сопротивлению, но и к защите, в таком случае государь император предоставляет благоразумию вашему решиться, буде не останется уже никаких других средств, сняв людей, корабли сжечь или затопить, так чтобы отнюдь они не могли бы сделаться добычею неприятеля. Буде же сего не последует, то есть, ежели ваше превосходительство принятыми от вас мерами, которые быть могут подкреплены со стороны французов, предуспеете охранить себя в Лиссабонской гавани от нападения англичан и эскадра, вам вверенная, останется в возможности действовать, его величеству угодно, чтобы в сем последнем случае поступки и движения ваши располагали бы сходственно тем распоряжениям, какие французским императором, с согласия пребывающего в Париже посла нашего генерал-лейтенанта графа Толстого, учинены и вам от сего последнего сообщены».

Таким образом и в Петербурге поняли всю серьезность положения эскадры и разрешили Сенявину в крайнем случае сжечь и уничтожить корабли.

Но Сенявин избежал этого.

Положение русской эскадры сделалось особенно отчаянным, когда англичане овладели крепостями С. Жулиен, Бужи и Белуна и «чрезвычайно бедственным» (по признанию самих англичан), когда английские войска, разбив французов, вошли в Лиссабон.

Сенявину оставалось только исполнить повеление — сжечь и уничтожить свои суда, а самому со всем личным составом сделаться военнопленными.

Но был ли способен доблестный адмирал на последнее?

Предоставленный самому себе, Сенявин чувствовал, что вся эскадра верит в него и ждет его решения... Нужно было решать... И выход был найден. Сенявин брал на себя всю ответственность перед родиной и историей, но ни один корабль, ни один человек не подверглись бесчестию.

Обдумывая свое положение, Сенявин не мог не видеть одного: его флот по своим боевым возможностям не представлял собой никакой угрозы для выставленного против него линейного флота англичан. Его старые, выслужившие свой срок корабли не могли противостать сильнейшему в несколько раз противнику. Но, с другой стороны, англичане, уважая в Сенявине своего бывшего союзника, сами тяготились предстоявшей им тяжелой обязанностью нападать на застигнутый врасплох флот и потому охотно пошли навстречу плану, созревшему у Сенявина.

Понимая англичан и учитывая, что они опасаются русской эскадры в руках Наполеона, Сенявин предложил начать переговоры об интернировании эскадры и притом (небывалый случай!) в портах враждебной стороны (т. е. английских).

Сенявин ясно изложил свои условия и поставил в известность, что ни на каких других условиях он не

считает для себя возможным вести переговоры, предпочитая геройскую смерть бесчестью.

Эскадра стояла в полной боевой готовности, ожидая конца переговоров.

Зная решительность, достоинство и твердость Сенявина, Коттон принял предложение и подписал 23 августа 1808 г. вместе с Сенявиным следующий договор:

«1) Военные корабли российского императора, на реке Таго, имеют быть отданы адмиралу баронету Карлу Коттону, непосредственно со всеми их принадлежностями, как оные ныне находятся, для отправления оных в Англию и содержания их там, яко в залоге у его великобританского величества, для возвращения оных его императорскому величеству императору всероссийскому в течение шести месяцев по заключении мира между его великобританским величеством и его императорским величеством императором всероссийским.

2) Вице-адмирал Сенявин с офицерами, матросами и другими морскими служителями, под его командою состоящими, возвратиться имеют в Россию, без всякого условия или постановления относительно будущей их службы, и будут туда отправлены на военных кораблях, или на приличных судах, на иждивении его великобританского величества».

На другой день, кроме этих статей, утверждены были начальниками обоих флотов еще дополнительные условия.

«1) Флаг его императорского величества на моем (Сенявина) корабле и на других русских кораблях не снимается, покуда адмирал не сойдет с своего корабля, или покуда их капитаны не учинят того же самого.

2) По заключении мира корабли и фрегаты возвращены будут его величеству императору всероссийскому в таком состоянии, в каком оные ныне отданы. Из 9 кораблей «Ярослав» и «Рафаил» останутся здесь на

реке Таго и их экипажи размещены будут на других семи кораблях, следующих в Англию».

Заклучив эти условия, Дмитрий Николаевич вышел с эскадрой из Лиссабона 31 августа.

У устья Таго к нему присоединилась стоявшая там английская эскадра, и вместе с ней Сенявин направился в Англию.

Во время плавания на наших судах развевался андреевский флаг, и Сенявин, будучи старше чином английского адмирала, командовал соединенным флотом. Со стороны можно было думать, что это идет союзники, а не враги.

Невероятная картина повторилась и в Портсмуте, куда 27 сентября прибыла русская эскадра. Ей были оказаны все почести, установленные международным правом. Сенявин был встречен в английском порту салютом и «барабанным боем».

Это крайне не понравилось англичанам, надевшимся видеть не торжественный приход, а позорный привод побежденного русского флота, для захвата которого были специально посланы в Лиссабон корпуса Спенсера и Мура.

Поднялся общий ропот, королю подавали адреса, в парламенте делались запросы.

Вследствие всего этого британский морской министр лорд Мульграу по приказанию короля послал русскому адмиралу следующую ноту:

«Адмирал Коттон по заключении первых двух статей договора не имел право подписывать две дополнительных к оному статьи. Его британское величество не признает сих двух статей действительными и не может позволить, чтобы в его гавани развевался неприятельский флаг, почему русская эскадра должна спустить свои флаги и вместо них до отъезда в Россию, имеющего в скором времени последовать, никаких не поднимать. Ваше превосходительство приглашается при-

ехать в Лондон, капитаны же ваши имеют позволение сойти на берег или жить на кораблях до возвращения в Россию».

На эту ноту Дмитрий Николаевич не замедлил ответить.*

«Я никогда не мог сомневаться, — писал Сенявин, — чтобы подписавший Лиссабонский договор не имел от английского правительства достаточного на то полномочия; по сему непризнание королем Великобритании действительными последних двух дополнительных статей тем более приемлю я с удивлением и огорчением, что они ратифицированы адмиралом Коттоном вместе с первыми и составляют часть, не отделимую от настоящего договора. С моей стороны я выполнил все условия свято. Находясь в порту и владении английском, не могу не исполнить воли его королевского величества, почему дальнейшее исполнение договора зависит теперь от английского министерства, всякое другое объяснение по этому предмету считаю лишним. Приглашением приехать в Лондон воспользоваться не могу, равно и капитанам моим не нахожу приличным жить на берегу».

Но это не удовлетворило английское правительство. Оно настойчиво продолжало требовать, чтобы флаги были спущены до захода солнца, а не в обычное положенное время; в противном случае угрожало насилием.

На Сенявина эта угроза не подействовала, и он с достоинством отвечая на последнее требование, писал лорду Мульграу: «Во владениях короля воле его противиться не могу, почему в обыкновенное время, по захождении солнца, с должными почестями корабельные флаги будут спущены; мой будет спущен ночью. Ежели же ваше превосходительство имеет право мне угрожать, то, нарушая этим святость договора, вынуждаете меня сказать вам, что я здесь еще не пленник, никому не сдавался, не сдамся и теперь, флаг мой не

спущу днем и не отдам его, как только с моей жизнью».

После столь категорического отказа Дмитрия Николаевича никто не беспокоил какими-либо требованиями, умаляющими достоинство России.

С обычной торжественной церемонией флаги на русских кораблях были спущены с заходом солнца в тот же день, 29 сентября 1808 г., и больше не поднимались.

Адмиральский же флаг по приказанию Сенявина был спущен только в полночь.

Почти целый год русские моряки пробыли в Англии, и только 4 августа 1809 г. они вместе с адмиралом вышли на английских транспортах в Россию.

8 сентября 1809 г. Сенявин с личным составом своей эскадры прибыл в Ригу, где ему сразу же было объявлено, что он не будет принят при дворе.

Опалу, постигшую Сенявина, трудно было объяснить.

Нет сомнения, в числе многих причин недовольства Александра I одной из главных было общее недоброжелательство к Сенявину со стороны лиц, стоявших во главе морского ведомства.

Главную роль играли здесь Чичагов и Траверсе, убежденные сторонники идеи, что Россия не может по целому ряду причин быть морской державой, а потому наличие активного морского флота является для нее ненужной роскошью. Естественно, что Сенявин, яркий представитель противоположного мнения, с его блистательными деяниями на море был для них фигурой нежелательной и потому все их старания направлялись к развенчанию его в глазах царя.

Другой причиной была постоянная самостоятельность Сенявина. Обстоятельства, нами приведенные, показывают, как часто Сенявину приходилось задерживать исполнение царских приказаний и даже пытаться добиваться их отмены. Александру эти шаги истолковывались как примеры неповиновения, достойные на-

казания. Лиссабонский договор давал формальные основания осуществить это.

По возвращении Сенявин был назначен на второстепенный пост главного командира Ревельского порта.

Тяжело было принять ему это назначение после того, как имя его и слава возглавляемого им флота гремели по всей Европе.

Зато нравственное удовлетворение Сенявин нашел в глубокой привязанности, любви и уважении бывших своих подчиненных, выразивших все это в своем адресе, который они преподнесли ему перед уходом из Портсмута.

Вот что писали сослуживцы и подчиненные Сенявина в этом адресе, озаглавленном **«Общий глас офицеров к своему начальнику вице-адмиралу и кавалеру Дмитрию Николаевичу Сенявину»**.

«Ваше превосходительство!

Вы в продолжение четырехлетнего главного начальства над нами во всех случаях показали нам доброе свое управление.

Как искусный воин, будучи неоднократно в сражениях с неприятелями, заставляли нас, как сотрудников своих, всегда торжествовать победу.

Как добрый отец семейства, вы имели об нас попечение и мы не знали нужды, а заботу и труд почитали забавою. Вы оное видите на удовольственных лицах наших.

Вы своим примером и наставлением, одобряя за добро и умеренно наказуя за преступления, исправили наши нравы и отогнали пороки, сопряженные с молодостью, в том порукою наше поведение.

Будучи в утесненных, по несчастию, обстоятельствах, Вы отвратили от нас всякий недостаток, даже доставили случай пользоваться удовольствиями и мы были и есть счастливы,

Теперь приблизилось время возвращения нашего в любезное отечество, по прибытии куда окончится и наша, столь продолжительная кампания, а может быть по необходимости должны будем лишиться и вашего над нами начальства; следовательно остается нам за все благо, вами нам содеянное, единодушно возблагодарить; но чем? Прославить ли вас нашею похвалою? Мы знаем, что прямо достойный человек от похвалы удаляется. Он любит похвалу заслуживать, а не слушать. Изъявить ли вам наше почтение, нашу любовь? Но они давно уже обитают в сердцах наших и вам известны... Мы хотим соорудить такой памятник, в котором бы ваши и наши потомки могли видеть незабвенное добро, вами содеянное, мы также хотим, чтобы вам равные в сем памятнике видели достойный пример доброго управления, мы даже и это хотим, чтобы наш все милостивейший государь, узнав нашу к вам приверженность, мог видеть, сколь должна быть велика наша к нему благодарность за постановление над нами столь достойного начальника и, наконец, сами вы, смотря на оный, не без удовольствия вспоминать будете о тысячах приверженных к вам сердец.

Сей памятник состоять будет из вазы с приличными на оной эмблемами. Скорость нашего отправления не позволяет нам дожидаться получения оной из Лондона, где она доканчивается, но по прибытии нашем в Россию поручено достоверному человеку по готовности доставить оную со всею верностью в С.-Петербург, где мы будем иметь удовольствие вашему превосходительству поднести. Нетерпение наше так велико, что мы, в ожидании оной, просим вас благосклонно принять сей рисунок, представляющий вид вазы, с описанием настоящего изображения, который подаст вам идею об оригинале, при сем приложен список офицеров, изъявляющих вам свою благодарность и сие начертание.

В заключение всего остается нам желать, чтоб ва-

ше превосходительство все оное приняли от нас благо-склонно и не сочли что-либо лестию, а единственно от нашего к вам усердия, любви и благодарности».

Ваза, которая была поднесена Сенявину по прибытии эскадры в Россию, имела надпись: «В память победы, одержанной российскою эскадрою над турецким флотом у острова Лемноса в Архипелаге 1807 г. июня 19-го дня».

Четыре змеи как символ мудрости составляли ручки вазы. Головы этих змей упирались в широкий золотой пояс, на котором тоже была надпись: «Поднесена его превосходительству г-ну вице-адмиралу и кавалеру Дмитрию Николаевичу Сенявину российскими офицерами на эскадре, под главным его начальством находившимися, во изъявление своего к нему усердия, любви и благодарности, 1809 года».

Это внимание сослуживцев, по словам самого Дмитрия Николаевича, доставило ему «величайшее удовольствие». Оно постоянно ему напоминало славное прошлое и все сделанное им с его «чудо-богатырями» в Средиземном море.

«Адрес и ваза были единственной утехой в мои опальные дни», — говорил Сенявин впоследствии.

Х

Итак, Сенявин был назначен главным командиром Ревельского порта; в этой должности он пробыл более двух лет.

Когда вспыхнула отечественная война 1812 года, когда все стремились принять участие в борьбе за освобождение родины, когда все сплотились в единую силу, опала Сенявина, одного из способных учеников Ушакова, оцененного самим Суворовым, продолжалась. Ему, который приводил когда-то в бешенство Наполеона

своими деяниями и победами, не нашлось места в рядах защитников родины. На прошении Сенявина о назначении в действующую армию Александр I собственноручно написал: «Где? в каком роде службы? и каким образом?»

Такова была оценка заслуг и талантов Сенявина, в то время когда бездарному П. В. Чичагову была вручена целая армия. Узнав о резолюции царя, Сенявин, движимый одним только патриотизмом, тотчас же написал маркизу де-Траверсе, исполнявшему обязанности министра военных морских сил: «Намерение мое есть, по увольнению отсюда, заехать в Петербург и, повидавшись с женою и с детьми, ехать потом к маленькому моему имению в Тульской губернии; там отберу людей, годных на службу, возвращусь с ними в Москву, явлюсь к главному предводителю второй ограды, подкрепляющей первую, и вступлю в тот род службы таким званием, как удостоены будут способности мои. Наконец, буду служить таким точно образом, как служил я всегда и как обыкновенно служат верные и приверженные российские офицеры государю императору своему и отечеству».

Но это письмо, в котором Сенявин выражал желание принести посильную помощь общему делу, не было удостоено даже ответом.

Горькие дни переживал в 1812 г. оскорбленный и униженный флотоводец.

Дождавшись окончания кампании 1812 г., он подал в отставку и 21 апреля 1813 г. уехал в Петербург, где и прожил до смерти Александра I.

С самого своего возвращения в Россию по просьбе бывших подчиненных Сенявин хлопотал о выдаче призовых денег, положенных ему и им по закону за взятые и уничтоженные в бою корабли. Но все хлопоты были тщетны. Сенявину или вовсе не отвечали, а если отвечали, то отказом, и только после нескольких писем,

адресованных лично Александру I, он добился удовлетворения справедливых претензий.

Особенно интересно последнее его письмо, выпукло рисующее нам нравственный облик этого замечательного человека в период морального и материального угнетения во время отставки.

Напоминая, что ответом на первые просьбы об удовлетворении личного состава эскадры призовыми деньгами была резолюция царя: поскольку «и самая эскадра судов, приобретающая сии призы, оставлена... в неприятельских руках, то и нельзя предполагать для нее установленной о призах награды», Сенявин указывал в своем письме, что теперь, когда все корабли возвращены Англией, он вправе рассчитывать, что его бывшие подчиненные, «сии верные и мужественные воины, кои знали только неумолимо подвизаться и выполнять в точности повеления мои», не будут лишены того, что принадлежит им по закону.

Сенявин подчеркивал, что, находясь с эскадрой в отдаленных водах Адриатики и Архипелага, вынужден был, «когда пресечены были все пути к получению нужных сумм от правительства», употреблять деньги, вырученные от продажи призов, на содержание эскадры, не прибегая к займам и тем не обременяя государственный бюджет уплатой процентов, комиссий, потерей на курсовой разнице и пр.

«Я и доныне, — писал Сенявин, — остаюсь в твердой уверенности, что ничего не упустил, что только от власти моей зависело сделать для вспомоществования интересам» государства, «полагая, что по самой ограниченной мере сбережение в пользу казны от таковых изворотов простираться может до 260 000 червонцев, опричь того, что вся сумма, следовавшая выдать служащим на жалование, за призы и пр., вообще до 600 тысяч червонцев оставалась внутри государства».

Но, добавлял Сенявин, «Честь моя жестоко страдает», так как «я соделываюсь... виновником лишения собственности служителей,... в команде у меня бывших», которых он как начальник заверял своим словом, что «всяк получит сполна и безудержно все, ему принадлежащее по силе коренного закона», и которые не сомневались в том, что это слово будет выполнено.

«Но теперь, — с горечью добавлял Сенявин, — не без огорчения и самое имя мое служители произносить должны»; «тягостно, без всякой доумеваемой вины находиться в подобном нынешнему моему со всех сторон стесненному положению».

Это письмо, наконец, подействовало. На этот раз было приказано назначить комиссию для разрешения вопроса о призовых деньгах, и после десяти с лишком лет они, наконец, были выданы офицерам и команде эскадры Сенявина.

Так и в отставке старый адмирал заботился о своих боевых товарищах.

Но до этого положение Сенявина было очень тяжелым. Кроме нравственных переживаний, он в это время и материально нуждался. Положение его было почти бедственное. «Это нищий, которому Россия должна миллионы, истраченные им для чести и славы отечества...» — говорили тогда про Сенявина его современники.

XI

В отставке Сенявин пробыл до самой смерти Александра I. Да и можно ли представить себе Сенявина, яркого представителя морской идеи и лучших боевых традиций, деятелем в рядах флота в этот мрачный и унижительный период аракчеевщины и глубокого упадка русской морской силы, еще недавно гремевшей

победами на водах Черного моря, Адриатики и Архипелага?

Тяжело переживал Сенявин и свое отлучение от флота и его разруху. Ему были ясны причины упадка. И в армии и на флоте недавние победители Бородина, Кульма, Парижа, Дарданелл и Афона учились плацпарадным выкрутасам, корабли гнили без плаваний в Маркизовой луже*, на их палубах обучали журавлинному шагу. Боевую школу и дух Суворова и Ушакова сменила подготовка к смограм и параду. Все это видел Сенявин. И заноса на листы своих воспоминаний славные дела прошлого, забытый флотоводец с горечью писал: «В то время люди были веселы, румяны, и пахло от них свежестью и здоровьем; нонича же, посмотрите прилежно на фронт, что увидите — бледность, желчь, унылость в глазах и один шаг до госпиталя и на кладбище. *Без духа ни пища, ни чистота, ни опрятство не делают человеку здоровье. Ему надобно дух, дух и дух.* Пока будут делать все для глаза (т. е. для смотря), пока будут обманывать людей, разумеется, вместе с тем и себя, до тех пор не ожидай в существе ни добра, ничего хорошего и полезного».

Ученик Ушакова, современник Суворова, победитель у Дарданелл и Афона знал секрет боевого успеха. В коротком слове «дух» заключалось все, что спаивало в одно победоносное целое вождя и его войско, обеспечивало все отрасли боевой подготовки и рождало то подлинное искусство в борьбе на суше и на море, итогом которого всегда была победа.

Со вступлением на престол Николая I положение Сенявина изменилось. К этому времени снова начала осознаваться необходимость в сильном флоте. Есте-

* Ироническое название Невской губы, данное моряками «в честь» морского министра маркиза Траверсе, при котором корабли редко выходили за ее пределы. — *Ред.*

ственно, вспомнили о Сенявине, и 24 декабря 1825 г. он вновь был принят на службу с прежним чином и старшинством.

«Принять прежним старшинством и объявить, что я радуюсь видеть опять во флоте имя, его прославившее», — написал Николай I на приказе о возвращении Сенявина на службу.

Вскоре Сенявин был назначен командующим Балтийской эскадрой.

В 1826 г. Сенявин был произведен в адмиралы.

В следующем году Сенявин со своею эскадрой ходил в Портсмут, откуда он выслал в Средиземное море эскадру адмирала Гейдена, прославившую русское имя при Наварине.

Эти годы всеобщего почета, уважения и признательности достойно вознаградили Дмитрия Николаевича за долгие годы унижения и окорбления.

Он снова был в рядах прославленного им флота, снова был окружен своими боевыми сподвижниками, снова создавал школу, из которой впоследствии вышли герои Синопа и Севастополя.

Вернувшись из первого своего плавания в Англию, он был награжден вместе с героями Наварина алмазными знаками ордена Александра Невского.

До 1830 г. Сенявин командовал Балтийским флотом, совершая ежегодно плавания. Во время последнего плавания у него появились признаки водянки. Вскоре болезнь, принявшая серьезный характер, заставила его расстаться с эскадрой, взять отпуск и уехать в Москву для лечения. Перемена климата мало помогла ему, и он, больной, вернулся в Петербург. Проболев несколько месяцев, Дмитрий Николаевич скончался 5 апреля 1831 г. на 68 году от рождения.

До самой смерти Сенявин сохранял полное спокойствие и память. Он спокойно беседовал о приближаю-

щейся кончине и даже шутил: «Странно, я никогда не пил воды, а умираю от водяной».

В своем завещании, составленном незадолго перед смертью, Дмитрий Николаевич просил похоронить себя в халате, в простом гробу, на Охте и без всяких почестей.

Но Николай I распорядился иначе. Сенявин был одет в адмиральский мундир, положен в дубовый гроб, покрытый андреевским флагом, и погребен в самом центре собора Благовещения Александро-Невской лавры.

В заключение мы не можем не привести интересных для характеристики Сенявина строк из воспоминаний лейтенанта И. Суцева, посетившего 35 лет спустя после Сенявинской кампании Архипелаг, в которых ярко обрисовывается, какую память оставил по себе этот человек в сердцах славян и греков.

Лучшей наградой за труды, понесенные Сенявиным, и самым большим доказательством его достоинств служит благодарность и память, оставшаяся по нем не только в кругу его сослуживцев и соотечественников, но и в жителях отдаленных частей Европы, где ему привелось быть действующим лицом. Упомянутый выше И. Суцев в своей статье «Воспоминания русского моряка», говоря о своем пребывании в 1841 г. на острове Занте, рассказывает, что при появлении нашего флота у острова Занте энтузиазм жителей доходил до высшей степени: «Чужой народ, морями и царствами отдаленный от русской империи и ей преданный, как родной сын ее: почему это?... Где же источник неистощимой привязанности к русским именно жителей Ионических островов? Кто виновник радостных приветствий, с какими нас окружили иностранцы? Кто внушил им это уважение к русскому флагу?.. Тот, чье имя повторялось теперь на шканцах, на палубе и в кают-компании. О ком говорили с заметным оживлением и всех рас-

спрашивали приезжавшие толпы? Кого благословляют здешние народы, рассказывая детям о его временах, о их благоденствии под управлением адмирала Сенявина? Здесь все знают, помнят и глубоко уважают Дмитрия Николаевича!»

«Любимый разговор наших гостей был о нем, они не говорили о его воинской славе или морской известности, нет, рассказывали о нем самом, как о человеке без блеска и титула. Говорили, как он был строг и вместе с тем входил в малейшие нужды жителей, всякого сам утешал, каждому помогал и его любили больше, нежели боялись. В какой дисциплине держал он и своих и чужих, но любил, чтобы все окружающие были им довольны и всегда веселы; сам изобретал удовольствия, давал пиры, и все уважали его не на словах, а действительно, как отца-командира; наконец, заговорили об его отъезде. Как это неожиданное известие всех поразило: не хотели этому верить; не могли видеть французского флага, греки бунтовались, но адмирал Сенявин усмирил их, и весь народ со слезами провожал его. И теперь при этом рассказе у некоторых навертывались слезы. Зантиоты желали знать все подробности об адмирале; когда он умер, где похоронен, какой сделан памятник, остались ли у него дети и т. п.

Необыкновенно отрадно было нам слышать искреннее участие и уважение иностранцев к человеку, уже давно успокоившемуся от волнения света, но славою которого всегда будет украшаться наш флот, а имя Сенявина долго будет заставлять биться от восторга сердца русских моряков».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Помещаемые ниже собственноручные записки Дмитрия Николаевича Сенявина написаны им уже в вице-адмиральском чине, вскоре по возвращении своем после знаменитого похода в Средиземное море и славных боевых подвигов в Архипелаге.

Точной даты написания этих записок не имеется, но, судя по некоторым местам, можно с большой точностью установить, что они писались в 1810—1811 гг., т. е. в бытность Д. Н. Сенявина главным командиром Ревельского порта, куда он был назначен во время своей опалы перед отставкой.

К сожалению, записки эти обнимают период только с 1763 по 1788 г. включительно, т. е. наиболее ранний период его службы и деятельности до чина капитана 2 ранга. Остается неизвестным, обрываются ли записки на этом годе совершенно, или последующие части были написаны, но до нас не дошли, или находятся неизвестно где, но во всяком случае в сохранившихся до нас бумагах Д. Н. Сенявина, найденных после его смерти, продолжения записок не имеется.

Есть некоторое основание предполагать, что записки обнимали более широкий период и что остальная часть находится в одном из архивных хранилищ, но предпринятые розыски не увенчались успехом.

Записки эти впервые были опубликованы в журнале «Морской сборник» (1913 г., № 7). Однако еще и до этого времени ими пользовались некоторые наши морские историки. Так, в 1855 г. биограф Сенявина Ардимович, составляя жизнеописание адмирала, привел ряд выдержек из записок, ими же пользовался и известный морской историк Головачев для своего труда «История Севастополя как порта» (1872 г.).

Обращаясь к самим запискам, мы прежде всего считаем необходимым указать на то, что по своему содержанию они представляют одну из самых любопытных и интересных морских хроник.

Одно уже то, что их пишет сам Сенявин, заставляет со вниманием отнестись к каждой строчке, к каждому слову. И действительно, записки его дают обширнейший материал, как для истории флота, так, главным образом, для знакомства с бытом

флота, и вот в этой части перед нами встает ясно и открыто облик самого автора. Вспоминая свою молодость и передавая события давно прошедших дней, Сенявин там и здесь снабжает текст своими рассуждениями о различных, подчас весьма жгучих для него и флота вопросах и в метких и характерных выражениях определяет положение вещей.

Правда, записки кратки, повидимому, автор не хотел останавливаться особенно подробно на давно прошедшем, имея в виду шире описать период последующий, более богатый и событиями и материалом для размышления об обстоятельствах, в которых он принимал первостепенное участие. Но даже и в этом кратко изложенном материале пытливый ум историка найдет многое, над чем следует задуматься.

Будем помнить, что автор писал эти строки в момент горького сознания своего унижения, находясь в опале, почти сосланный на пост командира второстепенного порта после того, как имя его и слава возглавлявшегося им флота гремели по всей Европе.

Флот, его детище, его боевое создание, только что вписавший в историю ряд блистательнейших страниц своими подвигами в Средиземном море, был предан уничтожению и разгрому, сам его предводитель подвергся опале и вскоре был удален в отставку за ненадобностью, в то время как бездарности, вроде Траверсе и Чичагова, вершили свое дело разрушения флота, признанного для России излишним.

Неудивительно поэтому, что Сенявин с горьким чувством указывает на царящий хаос и подчеркивает разницу между прошлым веком Екатерины и современностью, когда ничего не понимающие в морском деле люди «рассуждают и решают важные вопросы, например: надобен ли России флот или нет... Они отвечают: можно легко обойтись без флота, были бы солдаты, к тому же прибавляют, что держание флота дорого стоит. Петр Великий сказал, кто из государей имеет армию и флот, тот две руки имеет. В царствование Екатерины, можно сказать, при скудном положении государственных финансов о дороговизне содержания флота никогда и никакой речи не было, да и не могло быть: распорядись только хорошо... Эти говоруны ничего не знают и не понимают, они похожи, как кажется мне, на глупых тетеревов глухих, бормочут с ними одинаково, как говорится: ни складу, ни ладу, с тою только разницей, что тетерева во время бормотанья вредны для себя, а наши глупцы вредят много государству, их слушают и соглашаются иногда с ними...

Горечью пропитаны и слова Сенявина о личном составе тогдашнего разоряемого флота.

Проведя больше двух третей своей службы в боевых походах и кампаниях, ученик Потемкина и Ушакова, близко знавший Су-

ворова, сам участник и вдохновитель целого ряда побед, Сенявин твердо знал основные причины боевого успеха: *«Не теснота делает болезни, а угнетение человека в духе. В то время люди были веселы, румяны, и пахло от них свежестью и здоровьем, нонча же, посмотрите прилежно на фронт, что увидите — бледность, желчь, унылость в глазах и один шаг до госпиталя и на кладбище. Без духа ни пища, ни чистота, ни опрятство не делают человеку здоровье. Ему надобно дух, дух и дух. Пока будут делать все для глаза (т. е. для смотря), пока будут обманывать людей, разумеется, вместе с тем и себя, до тех пор не ожидай в существе ни добра, ничего хорошего и полезного...»*.

Высокий боевой дух, как его понимал Сенявин, вот причина и залог победы.

Нет духа — никогда не будет победы.

И вот с этой стороны записки Сенявина прекрасно обрисовывают нам личность автора.

Удивительно бодрым настроением проникнуты страницы записок, несмотря на опальное и обидное положение автора, еще так недавно бывшего на высоте своей боевой и политической славы.

Вспоминая свою молодость, автор как бы сам молодеет и с увлечением рассказывает о своих мичманских шалостях и веселом препровождении времени, совершенно сознательно подчеркивая, что веселость, бодрость, задор есть неотъемлемые свойства именно того духа, который в боевую минуту ведет воина к подвигу.

Эти же качества помогают сохранить и ту душевную юность, без которой немислима крепость физическая. Суворов семидесяти лет переходил Альпы, Сенявин шестидесяти пяти командовал эскадрой в заграничном плавании.

Еще отличительная черта записок Сенявина — это сквозящее из каждой строки чувство личного достоинства, которое так высоко развил в себе автор и которое так высоко ценил в других.

Любовь подчиненных к Сенявину была исключительна именно за его постоянную заботу об офицерах и матросах, и его сослуживцы, узнав о постигшей адмирала опале, проявили исключительное даже для того времени единодушие, засыпав своего адмирала знаками любви, уважения и изъявлениями сердечного протеста против причиненной ему несправедливости.

Нам не могут не быть дороги вложенные в записках мысли и чувства того, чья деятельность не только красноречиво доказывает насущную необходимость для России активной морской силы, но и дает высокие примеры государственной службы флота под руководством достойного сына своей великой Родины.

Капитан 1 ранга Н. Новиков.

Я из рода тех Сенявиных... которого потомки в царствование государя императора Петра Великого славно служили в гвардии и во флоте*.

Я родился 1763 года августа 6-го в полдень, в селе Комлеве, Боровского уезда. Священник прихода сего учил меня грамоте, а на 8-м году я читал хорошо и писал изрядно. На 9-м году матушка ездила в Петербург затем только, чтоб определить меня в сухопутный корпус. Матушка имела хорошую протекцию, но я принят не был, а по какой причине — не знаю; одно то справедливо, кому где определено, тому там и быть. Матушка в большом от сего огорчении тем же временем возвратилась со мною в Комлево. В это время не было еще у нас ни публичных училищ, ни наемных учителей, а чтобы мне не быть в деревне праздну, я отдан был для изучения арифметики в городскую школу, состоявшую из солдатских детей, под особым присмот-

* Первыми представителями рода Сенявиных во флоте были братья Иван, Наум и Ульян Акимовичи Сенявины, начавшие службу при Петре I. Из них Наум Сенявин, командуя корабельным флотом, одержал победу над шведами у о. Эзель в 1719 г. —
Ред.

ром зрителя той школы гарнизонного поручика Нелесова. Выучил я в одно лето первые четыре правила, несколько дробей и деление квадратное и кубическое.

Матушка зимнее время обыкновенно проводила в Москве, в это время дядюшка мой, адмирал Алексей Наумович Сенявин*, проезжая из Таганрога в Петербург, остановился в Москве. Батюшка мой** находился при нем генеральс-адъютантом. Перед самым выездом их из Москвы батюшка представил меня дядюшке, я ему очень понравился, взяли меня с собою, привезли в Петербург и очень скоро определили в Морской корпус. Это было в 1773 году в начале февраля, батюшка сам отвез меня в корпус, прямо к майору-Голостенову, они скоро познакомились и скоро подгуляли. Тогда было время такое; без хмельного ничего не делалось. Распростившись меж собою, батюшка садился в сани, я целовал его руку, он, перекрестя меня, сказал: «Прости, Митюха, спущен корабль на воду, отдан богу на руки». «Пошел!» и вмиг из глаз сокрылся.

Корпус Морской находился тогда в Кронштадте весьма в плохом состоянии, директор*** жил в Петербурге и в корпусе бывал весьма редко; по нем старший был полковник, жил в Кронштадте, но вне корпуса, бывал в корпусе почти каждый день для того только, что был в корпусе. За ним управлял по всем частям майор Голостенов и жил в корпусе, человек средних познаний, весьма крутого нрава и притом любил хорошо кутить, а больше выпить. Кадет учили математическим и всем прочим касательно до мореплавания

* Сын адмирала Наума Акимовича Сенявина — создатель Азовской флотилии при Екатерине II. — *Ред.*

** Николай Федорович Сенявин в чине армии подпоручика состоял генеральс-адъютантом до 1784 г., когда был уволен в отставку. — *Ред.*

*** Директором был адмирал Иван Логинович Голенищев-Кутузов. — *Ред.*

наукам очень хорошо и весьма достаточно, чтобы быть исправным морским офицером, но нравственности и присмотра за детьми не было никаких, а потому из 200 или 250 кадет ежегодно десятками выпускались в морские батальоны и артиллерию за леность и дурное поведение. Вот и я, пользуясь таким благоприятным временем, в короткое время сделался ленивец и резвец чрезвычайный. За леность нас только стыдили, а за резвость секали розгами, о первом я и ухом не вел, а другое несколько удерживало меня, да как особого присмотра за мною не было и напоминать было некому, то сегодня высекут, а завтра опять за то же. Три года прошло, но я все в одних и тех же классах; наконец, наскучило, я стал думать, как бы поскорее выбраться на свою волю. Притворился непонятным, дело пошло на лад, и я был почти признан таковым, но к счастью моему был тогда в Кронштадте дядя у меня капитан 1 ранга Сенявин *. Узнав о намерении моем, залучил меня к себе в гости, сперва рассказал мне все мои шалости, представил их в самом пагубном для меня виде, потом говорил мне наилучшие вещи, которых я убегаю по глупости моей, а потом в заключение кликнул людей с розгами, положили меня на скамейку и высек препорядочно, прямо как родной, право, и теперь то помню, вечная ему память и вечная моя ему за то благодарность. После обласкал меня по-прежнему, подарил конфетами, сам проводил меня в корпус и на прощанье подтвердил решительно, чтобы я выбрал себе любое, т. е. или бы учился или каждую неделю будут мне такие же секанцы.

Возвратясь в корпус, я призадумался, уже и резвость на ум не идет, пришел в классы, выучил скоро мои уроки, память я имел хорошую, и, прибавив к тому прилежание, дело пошло изрядно. В самое это время

* Иван Федорович Сенявин (1751—1782 гг.). — *Ред.*

возвратился из похода старший брат мой родной *, часто рассказывал нам в шабашное ** время красоты корабля и все прелести морской службы. Это сильно подействовало на меня, я принялся учиться впряду и не с большим в три года кончил науки и был готов в офицеры.

О наказании детей розгами, которое теперь вовсе забраковано, поступило в число невежества и даже будто бы исправление вредное, я осмеливаюсь изложить мысли мои в том на суд утонченных разборщиков деликатностей, таких детей в понятии можно разделить на четыре класса: в 1-й поступают те, которые, приметив родительский или учительский неприятный взгляд, тотчас исправляются, делаются послушны и оставляют непристойности; во 2-й те, которые не понимают взгляда, а исправляются от слов, хорошо их вразумивших, в 3-й те, которые ни взгляда, ни слов не понимают, тех должно вразумить и научить необходимо розгою, а в 4-й поступают те, которых ни тем, ни другим и ни третьим способом исправить невозможно. Они рождаются редко, их можно сравнить подобно как гении.

Гардемарином я сделал на море две кампании. Первая в 1778 году на корабле «Преслава» от Кронштадта до Ревеля и обратно. Будучи в Ревеле в ожидании корабля от города Архангельска, чтобы с ним соединиться и вместе следовать в Кронштадт, случилось в первых числах сентября время дождливое и холодное. После просушки парусов и прикрепления их упал у нас матрос в воду с грот-брам-рея. В тот самый миг офицеры и матросы бросились все на борт, кто кричит: «Давайте катер», другой кричит: «Посылайте

* Сергей Николаевич Сенявин служил во флоте с 1770 до 1791 г., когда был уволен после Шведской войны 1788—1790 гг. из-за ранений в отставку с чином капитана 2 ранга и сохранением получаемого содержания по смерти. — *Ред.*

** Т. е. свободное. — *Ред.*

барказ», иной кричит: «Бросайте, готовьте», а иной кричит: «Хватайся, хватайся», а человек еще и не вынырнул.

Суматоха сделалась превеликая, упавший матрос был из рекрут, тепло одет, в новом косматом полушубке, крепко за поясан, что и препятствовало ему углубиться далеко. Он скоро вынырнул, не робея нисколько, отдуваясь от воды и утираясь, кричал на салинг: «Добро, Петруха, дай только мне дойти на шканцы, я все расскажу: эку штуку нашел, дурак, откуда толкаться!»

Мы тогда почти все захохотали. Вот что бывает с людьми. Несколько секунд назад все почти были от ужаса в беспамятстве, а потом — хохочут.

Матрос скоро взшел на корабль, повторяя те же слова на шканцах. Позвали Петруху с салинга, спрашивали его, но Петруха божился, что не толкал его, а сказал ему только: «Экой мешок, ступай на нок проворней, а не то я тебя спихну, а он, дурак, взявши и полетел с рея». Тут мы больше еще смеялись и помирили их.

Чудно, что, падая с грот-брам-рея, нигде он не зацепился и даже ни за что не дотронулся и после был здоров совершенно. Множество я видел подобных ему примеров...

Другая кампания была до Нордкапа и обратно в Кронштадт и считалась за две. 1779 года в январе месяце отправили нас, гардемарин 33 человека, в Ревель. При нас были капитан корпуса Федоров* (небольшой был охотник заниматься нами, а любил больше сам повеселиться) и учитель астрономии, который учил нас поутру два да после обеда два часа и то не всякий день, прочее время мы резвились и гуляли где кто хотел, только бы ночевали дома. Баня была у нас вещь важная и необходимая, каждую субботу мы в нее хо-

* Николай Степанович (1761—1796 гг.). — *Ред.*

дили не столько мыться, как от безделья резвиться; например, несколько человек выбежим из бани, ляжем в снег и кто долее всех пробудет на снегу, тот выигрывал с каждого по бутылке меду и угощал, кого хотел*. На место слова честолюбие употребляли мы термин молодечество. Были у нас еще в употреблении разные пословицы, самые варварские, как то: «Ухо режь, кровь не капнет», «Смерть — копейка», к тому же похвала сверстников, когда говорят: «Этот хват, славный околотень». Все это делало нас некоторым образом отчаянными, смелыми и даже дерзкими. Я был крепкого здоровья и часто иногда с горем пополам оставался победителем товарищей и бутылок с медом. Бутылка меду самого лучшего стоила тогда 3 копейки.

Лед в гавани был еще крепок, как началось вооружение 5-ти кораблей и одного фрегата, тогда-то сделалась нам волюшка, только обедали да ночевали дома в корпусе, прочее время кто на корабле, кто в трактире, кто разгуливает по городу, а те, которые были постарше летами и знали побольше, чем мы, маленькие, те безвыходно в вертепах у прелестниц, только у самых дрянных и скверных. Да и то правда, что молодость не знает пригожества.

На другой день как эскадра стала вооружаться, в ночи 3-го числа** загорелся корабль «Всеволод». Сперва показался густой дым из форд-люка, а потом вскоре и пламя; сделалась тревога, команда вся сбежалась, проломили лед, выхватили корабль из середины кораблей, поставили на мель и корабль сгорел до подвсд-ной части без всякого другим судам приключения. Причина пожара сего не открылась и осталась неизвестна.

* Немудрено, что, закаляя себя таким способом, екатерининские моряки служили по 40 лет во флоте, плавая ежегодно. Сам Сенявин, имея от роду 66 лет и прослужив в офицерских чинах почти 50 лет, командовал эскадрой. — *Ред.*

** 3 апреля 1779 г. — *Ред.*

На место сего сгоревшего корабля назначен корабль «Дерись» из Кронштадта, 19-го апреля эскадра наша была на рейде и к походу готова; 23-го числа против Ревеля показался корабль «Дерись», мы снялись с якоря, соединились и пошли в море.

Вот как расторопно в наше время делались дела. Правда, старики (как говорят) мало знали, однако видно, что знали хорошо распорядиться, нонича знают много, только под носом не видят ничего.

К Нордкапу пришли мы в последних числах мая, тут заняли каждый свой пост для крейсирования. Рандеву назначено 15-е сентября у Нордкапа, наш корабль имел пост на высоте Нордкапа. В последних числах июня мы удалились по желанию капитана к северу около 5 градусов.

В самый Петров день при тихом ветре от SO-та в 6-м часу поутру выпал снег с лишком на пол-аршина, а в полдень день был прекрасный, сфера чистая, ветер от NO свежий. Странно было сначала видеть солнце в полночь над горизонтом и делать наблюдения.

15-го сентября вся эскадра была в соединении у Нордкапа, к нам прибыли еще от города Архангельска два корабля и один фрегат; все разом спустились и пошли к Кронштадту. В ночь на 21-е число ветер сделался попутный, весьма крепкий и развел волнение. На рассвете вся эскадра была в работе, кто крелит крюсель, кто фор-марсель, а кто брал последние рифы; у нас на корабле все кончено было еще прежде. В это время на пришедшем от города корабле «Храбром» брали последний риф у грот-марселя и в это самое время сломило у него грот-мачту, погибло 43 человека, бывших тогда на грот-марсе и на марса-рее. Ужасное зрелище!

В тот самый день за обедом, который состоял у нас из одной крутой каши и куска копченой оленины, мы, будучи без наставника и даже без старшего, кутили

обыкновенно, кто стоячи, кто лежачи с резвостью, с беспрестанным смехом и ввали всякую всячину, кому что на ум взбрело; я сказал тогда моим товарищам, что желал бы быть на «Храбром», когда мачту сломило, посмотреть, что там делалось тогда. Все мои товарищи восстали на меня, кто называл меня дураком, скотом, кто смеялся, кто был со мной одного мнения, сделался шум превеликий. Капитан узнал про шумный наш обед и разговор, который пересказали ему с большим прибавлением в невыгоду мою, посадил меня на форсалинг на целую вахту, несмотря и на то, что я был в тот день именинник.

В Кронштадт мы пришли 5-го октября, а 6-го вошли в гавань. Корабль «Храбрый» после сего несчастья зимовал в Норвегии.

В начале 1780 года нас экзаменовали, я удостоен был из первых и лучших. 1-го мая произведен в мичмана и написан на корабль «Князь Владимир». Чины явлены нам в Адмиралтейств-коллегии в присутствии всех членов, вместе с тем дано нам каждому на экипировку жалованья вперед за полтрети, т. е. 20 р., да сукна на мундир с вычетом в год, да дядюшка Алексей Наумович подарил мне тогда же 25 руб.

Итак, я при помощи мундира и 45 руб. оделся очень исправно; у меня были шелковые чулки (это был парад наш), пряжки башмачные серебряные превеликие, темляк и эполеты золотые, шляпа с широким золотым галуном. Как теперь помню, шляпа стоила мне 7 руб., у меня осталось еще достаточно денег на прожиток. Время тогда было благодатное, во всем изобилие и дешевизна чрезвычайные и, конечно, теперь невероятные. Правда, лакомых вещей было мало, но зато были мы сыты, румяны и хорошо одеты, одним словом, ни в чем не нуждались, и я могу сказать, будучи мичманом и далее капитаном, получая жалованья в год

в первом чине 120 руб., а капитаном 450 руб., я жил, право, богаче, как теперь в генеральском чине*.

В этом лете три эскадры вышли из Кронштадта. Одна — 5 кораблей и 1 фрегат — до Англии, возвратились и зимовали в Кронштадте. Другая — 7 кораблей и 2 фрегата — в Средиземное море и зимовали в Ливорно. Третья — 5 кораблей и 1 фрегат — до Португалии и зимовали в Лиссабоне, тут и я находился на корабле «Князь Владимир». В Кронштадт возвратились на другой год.

В Лиссабон пришли мы скоро и благополучно и тут расположились на зимовку. У нас на корабле капитан был князь Леонтий Никитич Шаховской**, а эскадрой командовал бригадир Никифор Львович Палибин*** (в то время были во флоте бригадирские чины). В наше время мы, молодые, скоро и хорошо росли, но не скоро старились, до 20-ти лет называли нас «ребенок», «молокосос» и проч. Старики наши как будто бы нарочно заботились более о здоровье нашем, чем изнурять нас излишними науками, а паче ни к чему после не пригодными. Я был тогда на 18-м году и резв до беспамятства.

Случилось капитану моему послать меня к бригадиру просить позволения 6-ти офицерам съездить в Цинтру. Я приехал на флагманский корабль, тотчас окружили меня мичмана, сперва, как водится, поздоровались, потом заговорили, кто что знает, а потом принялись по обыкновению своему болтать разные глупости, хохотать беспрестанно и поддериживать друг друга. Я тороплюсь к бригадиру — меня не пускают, я к каюте — меня за полу, наконец, я их растолкал, подбежал

* Записки эти велись Д. Н. Сенявиным уже в вице-адмиральском чине, вероятно, около 1810 г. — *Ред.*

** Служил во флоте 1756—1793 гг. — *Ред.*

*** Служил во флоте 1747—1782 гг. — *Ред.*

к каюте, успел отворить дверь, и одна нога была уже за порогом, как мичман Лызлов, отличный мой приятель, подставил мне ногу так искусно, что я упал и чуть нос себе не разбил. Бригадир играл тогда в карты, сидел спиною к двери и, не совсем то приметив, сказал тогда мне: «Болван, ты никогда порядочно не войдешь, только и дела за тобой, что беситься». Подойдя к нему, я поклонился, начал говорить: «Князь Л. Н. свидетельствует свое почтение вашему высокородию (наш бригадир очень любил звание и титул свой, даже люди и свои всегда величали его ваше высокородие), просит позволения...» и вдруг позабыл, о чем. Никифор Львович, погодя немного, сказал: «Ну, о чем?» Я молчу и только что краснею. Он, погодя еще немного, сказал: «Ну, дурак, поди вон, вспомни и приди».

Я вышел на шканцы, мичмана опять меня окружили, кто спрашивает, кто ствечает за меня, кто вспомнил будто приказание и все хохочут, а мне не до того, я решаюсь ехать на корабль и хотя с большим стыдом, да спросить моего капитана, как вдруг вспомнил, обрадовался, иду в каюту и докладываю, что было мне приказано. Бригадир сказал мне на то: «Хорошо, офицеров отпустить, а ты, мой друг, знаешь ли то, что я могу тебя розгами сечь, отец твоя и дядя дали мне на то полную доверенность, и, если ты не перестанешь беситься, я право отдеру тебя на обе корки. Ступай да помни же».

Никифор Львович любил меня, как родного сына, у него ли когда собрание или сам куда едет — всегда брал с собою.

Теперь расскажу другое со мной приключение сердечное и первоначальное.

Бригадир наш был настоящий русский господин, свободного времени не тратил напрасно, любил им воспользоваться и повеселиться. А как кто любит что, тот обыкновенно желает, чтобы и все любили то, и мы все

на эскадре были свободны, веселы и время провели — не видали, как прошло. Напр.: два дня в неделю были в городе ассамблеи, которые составляли все иностранные министры, консулы, богатейшие негоцианты и несколько вельмож португальских. Один день имел консул голландский Гильдемейстр. Два дня было собрание у Стеца (сей негоциант был из всех богатейший в Лиссабоне, он снабжал эскадру нашу провизиями и всеми прочими вещами, дом его всегда почти был открыт для всех нас, русских), а остальные два дня имел Никифор Львович у себя на корабле.

В этих собраниях всякий раз были две сестры-англичанки по фамилии Плиус, близкие родственницы с домом Стеца. Меньшая называлась Нанси и было около 15 лет. Мы один другому очень нравились, я всегда просил ее танцевать, она ни с кем почти не танцевала кроме как со мной, к столу итти — я к ней подхожу или она ко мне подбежит и всегда вместе. Она выучила по-русски несколько приветливых слов, говорила мне, я на другой день, выучив по-английски, отвечал ей прилично, и мы так свыклись, что в последний раз на прощании очень, очень скучали и чуть ли не плакали. Это еще не все, а будет продолжение, а только не скоро, а ровно через 28 лет, под конец моей молодости и при начале ее старости*.

Капитан мой был лет под 50 от роду, весьма кроткого нрава, так что во всю кампанию, т. е. около полутора года, никто не слышал громкого или гневного его приказания. Время проводил он каждый день почти одинаково. Поутру вставал в 6 час., пил две чашки чаю, а третью с прибавлением рома и несколько лимона (что называлось тогда «адвокат»), потом, причесавши голову

* К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении записки Д. Н. Сенявина обрываются на 1788 г. Неизвестно, были ли они доведены автором до этого только года или до нас последующая часть не дошла. — *Ред.*

и завивши из своих волос длинную косу, надевал колпак, на шею повязывал розовый платок, потом надевал форменный белый сюртук, и всегда почти в туфлях, вышитых золотом торжковой работы. В 8 час. в этом наряде выходил на шканцы и очень скоро опять возвращался в каюту. В 10 час. всегда был на молитве, после полудня тотчас обедал, а после обеда раздевался до рубашки и ложился спать. (Это называлось не спать а отдыхать.)

Чтобы скорее и приятнее заснуть, старики имели странную на то привычку, заставляли искать себе в голове или рассказывать сказки. Вот и князь наш после обеда искался в голове, а ввечеру сказывали [ему] сказки. Соснувши час, другой, а иногда и третий — вставал, одевался снова точно так, как был одет поутру, только на место сюртука надевал белый байковый халат с подпояскою, пил кофе, потом чай таким же манером, как поутру. Около 6 час. приходил в кают-компанию, сядет за стол и сделает банк рубль медных денег. Тут мы, мичмана, пустимся рвать, если один банк не устоит — князь делает другой и третий, а потом оставляет играть, говоря: «несчастье»; а когда выигрывает, то играет до 8 и до 9 час., потом перестает, уходит в свою каюту ужинать и в 10 час. ложился спать.

Во время сна его никто не смей разбудить, чтобы такое ни случилось.

1781 год. Возвращаясь мы из Лиссабона в Крнштадт в июле месяце встретили на Копенгагенском рейде эскадру нашу 9 кораблей и 3 фрегата, следующие в Средиземное море.

Вот в царствование императрицы Екатерины по сколько кораблей ежегодно плавало в дальних морях и зимовали в иностранных портах единственно на тот только предмет, чтобы офицеры и матросы приобретали лучшие познания службы своей.

Флот Балтийский имел тогда более 40 кораблей. Разом было на море 32 корабля, в том числе пять 100-пушечных, и некоторые из них имели всю артиллерию медную.

Можно сказать, флот был тогда славный. Шведы и турки везде и всегда были побеждены и истреблены...

Старики в то время, конечно, мало знали; да иначе и быть нельзя — они знали одно только свое дело, а в дела посторонних служб не вмешивались. Румянцев, Потемкин, Суворов признавали себя чуждыми в познаниях морских, но зато прославили себя навек своим ремеслом, кажется, и довольно бы. Нет, нонича, не говоря о генералах, каждый армейский офицер анатомирует всякого рода службы и дело, хвалит, осуждает и все знает, о чем только речь пойдет.

Они рассуждают и решают важные вопросы, напр.: надобен ли России флот или нет, они отвечают — можно легко обойтись без флота, были бы только солдаты, к тому же прибавляют, что держание флота дорого стоит. Петр Великий сказал, кто из государей имеет армию и флот, тот имеет две руки. В царствование Екатерины, можно сказать, при скудном положении государственных финансов, но о дороговизне содержания флота никогда и никакой речи не было, да и не могло быть; распорядись только хорошо, все вещи, надобные для флота, есть дома, к тому же содержание людей в 10 крат дешевле всех прочих наций в Европе. Поручи дело знающему и опытному, не надейся притом на прозорливость свою, оставь пристрастие и следуй в выборе людей по премудрому сказанию: «Яко речет мир на люди своя», тогда будет все дешево и хорошо.

Эти говоруны ничего не знают и не понимают, они похожи, как кажется мне, на глупых тетеревов глухих, бормочут с ними одинаково, как говорится, ни складу, ни ладу, с тою только разницей, что тетерева во время бормотанья вредны для себя, а наши глупцы

вредят много государству, их, дураков, слушают и соглашаются иногда с ними.

Насчет тогдашних и нынешних распоряжений ясно можно видеть разницу и пользу оных, которые покажутся во всех отношениях, конечно, невероятны. Беспреестанно нонича толкуют, что в Кронштадте жить матросам негде и тогда еще, когда весь флот едва имеет с небольшим 10 кораблей. Спрашиваю, где же помещались прежде люди, когда флот имел более 40 кораблей. Ответствую и верно отвечаю, что помещались они в губернских домах, ныне еще существующих, в одной деревянной для артиллеристов казарме и по квартирам, ибо флигелей каменных и гошпиталя (что теперь на канаве) тогда еще не было, они построены после Шведской войны, и люди жили, и жили, как говорится, припеваючи. Больных было весьма мало, а о поварьных болезнях никогда и слышно не было. *Не теснота делает болезни, а угнетение человека в духе.*

В то время люди были веселы, румяны, и пахло от них свежестью и здоровьем, нонича же посмотрите прилежно на фронт, что увидите — бледность, желчь, унылость в глазах и один шаг до госпиталя и на кладбище. *Без духа ни пища, ни чистота, ни опрятство не делают человеку здоровье. Ему надобно дух, дух, и дух.* Пока будут делать все для глаза, пока будут обманывать людей, разумеется, вместе с тем и себя, до тех пор не ожидай в существе ни добра, ничего хорошего и полезного. В этом надобно прежде увериться, и тогда все будет хорошо и полезно как для людей, так собственно и для себя.

1782 год. 11 кораблей и 3 фрегата назначены в Средиземное море и были на рейде. Я находился на сей эскадре на корабле «Америка», но после депутатского смотра и в тот же самый день по именному повелению командировали с эскадры в Таганрог 15 старших мичманов, в числе которых я был сверху 4-й. Приехав

в Петербург, явился я к дяде Алексею Наумовичу. Он удивился, увидев меня, и между прочим спросил, хочу ли я здесь остаться или ехать в Таганрог. Я отвечал, что батюшка приказал мне служить и мне все равно, там или здесь. Дядюшка обнял меня обеими руками, поцеловал и сказал: «Ступай, друг, с богом, там служат также хорошие офицеры».

В это время назначено было спустить один корабль и два заложить. Государыня императрица изволила посетить адмиралтейство, присутствовала при закладке и потом взойшла на корабль, приуготовленный к спуску*. Спустились на воду. Корабль назван «Победослав»... Когда императрица всходила на корабль, я с товарищами был у фалрепа. Она часто изволила для отдохновения оестанавливаться, и случилось остановиться ей против меня, я потянулся через поручень поцеловать ее руку. Она милостиво изволила мне пожаловать ее и притом с приветливостью сказала: «Не резвись, смотри», указывая рукой вниз, «упадешь и пропал»...

В Петербурге дали мне партию — одного квартирмейстера и 12 матросов — и отправили на почтовых, равно как и прочих моих товарищей. Я пустился прямо в Москву, потом на Боровск и в Комлево увидеться тут с матушкой. В Комлеве я пробыл два дня, а на третий выехал.

За прощальным обедом было у нас много гостей, собравшихся посмотреть на приехавшего из Петербурга, побывавшего за морями и опять едущего бог знает куда. Матушка рассказывала гостям, что я буду непременно в больших чинах, гости желали знать примечания матушки на то, и она им рассказывала, что я обе ночи спал на полу близко кровати ее и она всегда

* Корабль «Победослав» был спущен 26 июня 1782 г., в тот же день были заложены корабли «Чесма» и «Три иерарха» — *Ред.*

видела меня спящего раскидавшись и обе руки были закинута за голову. Тут некоторые гости верили, некоторые удивлялись, а некоторые из молодых усмехались. К этим и я пристал и вместе (виноват) посмеялись.

Священник комлевский отец Козьма, который учил меня грамоте, был со мною все это время почти неразлучно. Однажды со вздохом говорил он мне: «Трудно теперь служить, вот требуют, чтобы я в сентябре прислал верный отчет, сколько в нынешнем году в приходе у меня родилось, сколько женилось, сколько померло и каких именно лет и показать каждого поименно: теперь что я буду делать? На прошлой неделе умер у вас дворовый человек старик Михайло Семеныч, кто говорит, жил он 90 лет, другие уверяют, ему было за 100 лет, как тут написать, ума не приберу».

Я ему на это сказал: «Не горюйте, батюшка, они не знают ничего, я скажу вам правду, Семеныч наш умер точно на 104-м году, так точно сказывал мне в прошлом году батюшка, что ему было 103-й год». Отец Козьма очень тому обрадовался и показал покойника в отчете точно 104-й год.

На другой год читал это верное, но обстоятельное объявление в газете нашей, напечатано было так: «Калужской губернии, Боровского уезда, села Комлева, помещика Сейявина дворовый человек Михайло Семенов умер на 104-м году. Ныне по известиям, также официальным, люди живут еще более, до 130 лет, а в царствование царя и святого пророка Давида люди жили только около 80 лет, следовательно, век человеческий увеличен теперь более чем в полтора раза, а потому и должно ожидать, если сфера наша простоит еще несколько тысяч лет, то верно люди будут жить гораздо более, как жил Мафусаил». Ожидание сего подкрепить может и то: первое, что люди живут теперь гораздо воздержаннее от хмельных напитков и что эти

вещи причислены ныне благодаря просвещению ко вреду и пороку... Предки наши имели на хмельное пословицы, напр.: «пьян, да умен — два угодя в нем»; другая — «пьян, да глуп — вдвое больше бьют»; третья — «пьяный проспится, а дурак никогда».

Старики наши пивали крепко, ума не пропивали и дело делали лучше, чем нонича трезвые колобрдят. Другое, благодаря малодушию нашему, которым пользуясь медицинский факультет увеличил число докторов чрезвычайно, как сами они, так лекарства употребляют по моде; было время лечили они одною теплою водою, по крайней мере, лекарство было не вредное. Было время лечили они от всех болезней одним меркурием, ваннами, а теперь пользуют пьавками; многие уверены, что пиявицы любят кровь не чистую. Мне сказал один доктор, шутя над ремеслом своим, чтобы знать верно свойство пиявицы, так надобно прежде быть самому пьавкою.

Доктора сами, подобно пьавкам, они так впились в наше малодушие, что человек пожилых лет с хорошим желудком никак не может быть без доктора; он знает, что этот доктор произведен из аптекарей, он знает, что сей доктор морит людей без пощады, и он знает еще важнее, что доктор сей уморил его сына и сам доктор в этом признался, но он отвечает: «Все это так, да дело не в том, а в том, что он вылечил министерскую жену».

В Таганрог я приехал в первых числах июля, на другой день сдал мою партию, а на третий — посадили меня с товарищами моими на галиот и отправили в Керчь для распределения по судам Азовского флота. Флот сей составляли в то время одна корвета 22-пушечная и называлась корабль «Хотин»; он был всегда флагманским; 6 кораблей бомбардирских, двухмачтовых, вооруженных мортирами и большого калибра гаубицами, 3 шхуны, 1 бриг и 3 палубных бота; все тут.

Я определен был на корабль «Хотин». Вскоре потом прибыл в Керчь владетель Крыма хан Шагин-Гирей; при нем находились от стороны нашей министр Веселицкий и главнокомандующий сухопутных войск в Крыму генерал-майор Самойлов, который после был граф и генерал-прокурор сената.

Хан пробыл в Керчи 3 дня, посадили его с тремя преданными к нему мурзами к нам на корабль «Хотин», прочих его свиты, числом 19 человек, разместили на 3 шхуны и на прочие 4 судна.

Снялись с якоря, пошли в Азовское море и на другой день прибыли к Петровской крепости.

Тут принял хана генерал Потемкин, который был потом светлейший князь Таврический. Хан при съезде на берег одарил нас разными подарками; мне достались серебряные часы, стоящие около 50 руб. В то же время эскадра снялась с якоря и скоро прибыла в Керчь.

В октябре месяце прибыл к нам 32-пушечный фрегат «Крым», построенный в Хоперской крепости*; командующий нашим флотом бригадир Тимофей Григорьевич Козлянинов поднял на этом фрегате брейд-вымпел свой и меня перевел на сей фрегат.

В последних числах сего октября снялись мы с якоря и пришли в Кафу** очень скоро, ездили на берег беспрестанно и делали всякие покупки без всякой осторожности от заразной болезни.

1-го числа ноября перед вечером вдруг оказалась у нас на фрегате чума. Бригадир в тот же час переехал на корабль «Хотин», бывший тогда с нами, и приказал нам всех заразившихся свезти на берег и устроить для них там из парусов палатки, а потом немедленно итти в Керчь, остановиться в удобном месте и возможно

* Погиб без вести в 1787 г. в Черном море. — *Ред.*

** В Феодосию. — *Ред.*

ближе к берегу, устроить из парусов баню и палатки для жительства людей и окуривать все беспрестанно. В следующую ночь построили мы две палатки и перевезли всех заразившихся числом до 60 человек. Поутру снялись с якоря, а ввечеру были у Керчи на месте; немедленно отвязали паруса, построили на берегу баню, кухню, палаток достаточное число для служителей и перевезли всю команду на берег.

Около 15-го числа чума у нас вовсе прекратилась, похитив в это короткое двухнедельное время более 110 человек; из оставленных в Кафе выздоровело только 2, подштурман да матрос, дорогою в одни сутки опустили в воду 16 человек и на берегу в Керчи померло 38 человек; умершие все нижние чины и рядовые, а из офицеров никого.

К счастью нашему, случился у нас искусный лекарь Мелярд, он служил прежде privately у хана Шагин-Гирея 6 лет и знал чумную болезнь совершенно. Пересматривая всю команду четыре раза в день и отделяя зачумившихся, он весьма редко ошибался во времени, кто из заразившихся сколько проживет.

По взятии Крыма до учрежденья карантинных годов два чума весьма часто выказывалась в нашем крае от сообщения с татарами и судами турецкими, приходящими в наши порты. Мы, наконец-то, к ней привыкли, что нисколько не страшились ее и считали, как будто это обыкновенная болезнь.

Доктор Мелярд, будучи мне хороший приятель, советовал для предохранения себя от заразы непременно курить табак, я ему повиновался, и хотя имел великое отвращение к трубке, к тому же обращаясь часто с татарами, у которых трубки есть в первом и неперменном употреблении, я привык скоро и сделался на всю жизнь неразлучен с сею низкою, кучерскою, а паче еще вредною для здоровья и зубов забавою.

25-го декабря карантин нам кончен, мы сделались свободны и скоро все прошедшее забыли.

[В этом месте рукописи недостает одного листа, но, к счастью, его можно восстановить по статье Арцимовича («Морской сборник», 1855 г., апрель, стр. 131—138), который пользовался рукописью еще в полном ее виде. Поэтому приводим недостающий лист в том виде, как он напечатан в статье Арцимовича, взяв вставленное в скобки — *Ред.*]

(Постройка города не поглощала всей деятельности контр-адмирала Мекензи: он с особенным старанием ошвартовил все суда, стоявшие в бухте, и заботился об увеличении, по возможности, числа их. Случай благоприятствовал Мекензи в исполнении этого желания. В день отъезда вице-адмирала Клокачева известили Сенявина, что на берегу Херсонской бухты найдены 4 большие недостроенные лодки. Душевно любя контр-адмирала Мекензи, Сенявин рад был этому случаю, чтобы доказать ему свое усердие. Приказав никому не говорить о сделанном открытии, Сенявин под предлогом рыбной ловли взял со всех судов барказы и несколько порожних бочек и с ними отправился к Херсонсу; действительно, найдены им были там на стапелях 4 лодки, набранные набором и обтянутые баргоутом; никакого не было признака, когда и кем они были начаты, и непонятна была причина, почему их оставили недоконченными. Сенявин немедленно приказал спустить их на воду, привязали к каждой несколько порожних бочек и таким образом благополучно буксировал к Севастополю, где их вытащили на берег, на том же самом месте, на низменности, где ныне существует адмиралтейство. «Это было уже на рассвете, — продолжает Сенявин в своих записках, — я послал барказы, каждый на свое судно с приказанием, чтобы немедленно присланы были на берег все плотники, со всеми наличными досками и гвоздями, кузнецы с кузницами и с инструментами, а барказы с фалконетами и

при них по 30 холостых зарядов; а капитаны смотрели бы, когда адмирал поедет на берег, тогда и они ехали бы за ним. Устроив все таким образом, я приехал на фрегат в то время, как адмирал только что проснулся; я доложил ему, что бог послал нам добычу — 4 лодки и что уже они на берегу. Адмирал весьма тому обрадовался, целовал меня и сказал: «Сегодня обедают у меня все капитаны, а с тобою, Сенявин, выпьем мы особо, по бутылке шампанского». В 10 часов мы позавтракали и поехали на берег, чтобы осмотреть лодки. Священник был уже в облачении и отслужил молебен, после чего мы при пении «тебе бога хвалим» подняли на лодках флаги, барказы произвели пальбу 101 выстрел, потом со всего флота салютовано по 31 выстрелу. В самое это время вошли в гавань * 2 галиота и 3 казачьи лодки из Таганрога, нагруженные разными вещами для исправления судов наших и первоначального берегового обзаведения.

Адмирал мой ** был вне себя от радости. Выпив все по рюмке шампанского, адмирал приказал наливать по другой и говорит: «Сенявин, надобно теперь, чтобы все палили вместе» (он отменно любил пушечную пальбу, это была его страсть), и в тот же момент по сигналу началась пальба со всех судов и барказов; мы все подняли рюмки, поздравляли его, он благодарил и сказал: «Байгод, как это все хорошо устроил Сенявин, спасибо тебе. Дайте нам вина, выпьем еще по рюмке за здоровье всех нас, прикажи налить столько же».

1783 год. Перед обедом, когда командиры все собрались, адмирал при объявлении им приказания главнокомандующего говорил: «Господа, здесь мы будем зимовать, старайтесь каждый для себя что-нибудь выстроить, я буду помогать вам лесом, сколько можно

* Ахтиар, будущий Севастополь. — *Ред.*

** Контр-адмирал Мекензи, основатель Севастопольского порта. — *Ред.*

будет уделить, прочее все как сами знаете, так и делайте; более ничего; пойдете кушать». Капитаны ему поклонились и смекнули, что речь говорена кратко, ясно и обстоятельно. Сели за стол, обедали хорошо, встали веселы, а ввечеру допили, на шканцах танцевали. Мисс Сали* также тут играла свою роль очень хорошо, и кстати, около полуночи все разъехались и бал кончился.

На другой день командиры судов принялись за дело. Сперва каждый назначил себе место, куда поставить свое судно на зимовку, там и начал делать пристань и строить прежде всего баню как вещь (считалась в то время) необходимую. Потом начали строить для себя небольшие домики и казармы для людей; все эти строения делали из плетня, обмазывали глиной, белили известью, крыли камышом на манер малороссийских хат. Между тем лодки скоро достроили, спустили и употребляли для перевоза, всякой всячины, и вправду они сделали нам большое подспорье в нуждах наших. Каждая из них поднимала груза до 3000 пуд.

Адмирал мой также помышлял, как бы самому зиму прожить в тепле и спокойно. Он был на это смышлен и расчетлив, сейчас спроворил себе поблизости дачу за сходную цену, начал тут известь жечь, кирпичи делать, уголья выжигать, дрова заготавливать, сено косить и т. д., и дача в одно лето обошлась ему почти даром. В Балаклаве отыскали несколько греков, знающих хорошо строить порядочные здания из тамошнего камня и плитняка. Назначив места под строения, доставив туда надобное количество всякого рода вещей и материала, адмирал заложил 3-го числа июня четыре здания. Первое, часовню во имя Николая чудотворца, на том самом месте, где и ныне церковь морская существует. Другое, дом для себя; третье, пристань очень

* Кого подразумевает автор под именем «мисс Сали» — неизвестно; вероятно, она принадлежала к семье контр-адмирала Мекензи. — *Ред.*

хорошую против дома своего; четвертое, кузницу в адмиралтействе. Здания эти все каменные, приведены к концу весьма скоро и почти невероятно. Часовня освящена 6-го августа, кузница была готова в три недели, пристань сделана с небольшим в месяц, а в дом перешел адмирал и дал бал на новоселии 1-го ноября.

Вот откуда начало города Севастополя.

Между тем сделаны хорошие два тротуара, один от пристани до крыльца дома адмиральского, а другой от дома до часовни, и обсажены в четыре ряда фруктовыми деревьями. Выстроено 6 красных лавок с жилами наверху покоеми, один изрядный трактир, несколько лавок маркитантских, 3 капитанские дома, несколько магазинов и шлюпочный сарай в адмиралтействе; все сии строения каменные или дощатые. Бухта Херсонская отделена для карантина. Инженеры и артиллеристы устроили батарею на мысах при входе в гавань.

Итак, город Севастополь вместе с весною 1784 г. довольно уже образовался, все строения оштукатурены, выбелены, хорошо подкрашены палевой или серой краской, крыши на всех черепичные, и все это вместе на покатоности берега делало вид очень хороший. Самый лучший взгляд на Севастополь есть с северной стороны.

Зиму провели мы довольно весело. Адмирал назначил для благородного собрания большую пустую магазинку, все и скоро мы в ней к тому приготовили, музыка своя, угощение сделали дешевое, и мы три раза в неделю бывали все вместе. В свободное время занимались разными охотами, имели хороших борзых собак... итак, день в поле, другой с ружьем за дичью или ловили рыбу неводом, удили наметом и острогою. На последние два средства потребна ловкость и искусство, а так как Севастополь издавна не был никем обитаем, то заливы его сделались наилучшим убежищем рыбам и плавающим птицам, которых мы нашли в невероятном множестве.

Ко всему этому адмирал наш очень любил давать празднества и беспрестанно веселиться, что была также страсть его. В каждое воскресенье и торжественные дни у него обед, а ввечеру бал. Ни свадьба, ни крестины и даже похороны без присутствия его не обходились, везде он бывал, а потом все у него обедают и танцуют всегда почти до рассвета.

Нельзя пересказать, до какой степени мой адмирал был весельчак и вместе с тем проказник, напр.: случилось в Георгиевском монастыре похороны супруги графа М. В. Каховского*. Граф, не желая иметь из посторонних никого участником горести своей, он никого и не просил на похороны, но адмирал мой, узнав только о том, тотчас — в коляску, меня посадил с собою, и мы прискакали к самому времени погребения. От начала и до конца печальной сей церемонии адмирал горько плакал, потом всех, кто тут случился, просил к себе обедать. Граф отказался, а отец Дорофей, архиепископ Таврический, охотно приехал и еще несколько других чиновников.

Сели за стол, певчие пели самые умильные концерты, а музыка играла подобно им самые трогательные шутки. До половины обеда все были в глубоком молчании, а если и начинали говорить, то не иначе как с сердечным вздохом и весьма тихо. Между тем вино вливалось в рюмки безостановочно, и под конец обеда заговорили все громко, шутливо и даже с хохотом, встали из-за стола, готовы уже были и потанцевать.

Адмирал при поцелуе руки у владыки Дорофея благодарил за посещение и просил позволения спеть певчим песенку. Владыко при тяжком вздохе благословил певчих и сказал адмиралу: «И вправду, ваше превосходительство, не все же горе проплакать и протужить,

* Михаил Васильевич, генерал-аншеф, командующий войсками, расположенными в Крыму. — *Ред.*

скоро ли, коротко, и мы отправимся вслед за покойницей».

Певчие запели отборные сладострастные малороссийские песни, музыка загремела, и пошла потеха. После кофе и ликеров адмирал весьма вежливо спросил отца Дорофея, не противно ли будет, если сегодняшней вечер посетят дамы и танцевать. Благочестивый отец отвечал, что ему весьма приятно будет видеть дам и девиц, забавляющихся весело и приятно. (Отец Дорофей сам любил светские забавы, разумеется, позволенные сану его). Посмотрите теперь на эти проказы; поутру — плач, а ввечеру — бал. Неправда ли, что адмирал наш был весельчак и проказник?

В декабре месяце главнокомандующий наш вице-адмирал Клокачев от заразной болезни скончался в Херсоне. Место его заступил контр-адмирал Сухотин, простой человек, но дело свое знал хорошо. Он убит в неудачном сражении против шведов под командою адмирала Грейга*.

1784 год. В начале сего года князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический назван генерал-адмиралом Черноморского флота**. Вместе с сим флот наш Черноморский (что прежде был Азовский) отделен от Балтийского флота во всем совершенно. В Херсоне учреждено и открыто Главное черноморское правление под председательством контр-адмирала Н. С. Мордвинова, а контр-адмирал Сухотин отозван в Балтийский флот.

Светлейший князь часто посещал Крым и Севасто-

* Это ошибка: вице-адмирал Сухотин смертельно ранен (ему оторвало ногу) в одной из лихих схваток со шведами в Красногорском сражении, окончившемся, как известно, отражением шведов эскадрой адмирала А. И. Круза. — *Ред.*

** Кн. Потемкин не был генерал-адмиралом, а по званию главнокомандующего морскими силами Черного моря имел право подымать кейзер-флаг. — *Ред.*

поль, я всегда назначался к нему на ординарцы; он часто по многому спрашивал меня, я угождал ему ответами и тем весьма нравился ему. В сентябре месяце прибыл к нам из Херсона первый построенный там 70-пушечный корабль «Слава Екатерины» под командою капитана 1 ранга графа Войновича.

1785 год. В сентябре месяце прибыли еще к нам из Херсона новые 70-пушечный корабль «Павел» под командою капитана 1 ранга Ушакова и 50-пушечный фрегат.

31-го числа декабря во весь день было веселье у нашего адмирала. После роскошного обеда прямо за карты и за танцы; все были действующие, зрителей никого, и кто как желал, тот так и забавлялся. За полчаса перед полночью позвали к ужину, столы приготовлены были для удобного помещения небольшие. Садившись за стол, адмирал приметил, что одна девица опоздала сесть подле маменьки своей, он позвал ее к себе, приказал подать прибор и посадил возле себя.

В последнюю минуту перед Новым годом рюмки все налиты шампанским, бьет 12 часов, все встали, поздравляют адмирала и друг друга с Новым годом, но адмирал наш ни слова, тихо опустил на стул, поставил рюмку, потупил глаза в тарелку и крепко задумался. Сначала всем казалось, что он выдумывает какой-нибудь хороший тост задать, а после скоро заметили, что пот на лице его выступил, как говорится, градом. Все начали его спрашивать: «Что вам сделалось, что вам случилось?» Адмирал сильно вздохнул и сказал: «Мне нынешний год умереть, 13-ть нас сидит за столом». Тут все пустились уверять его, что приметы самые пустые, все рассказывали, что со всяким это случилось по нескольку раз и все остались не только живы, но и здоровы. Наконец, адмирал заключил, что умереть надобно необходимо, но надобно также и рюмку свою выпить, благодарил всех и всех поздравлял с Новым

годом и рюмку свою выпил начисто, как бывало с ним всегда.

Встали из-за стола, принимались веселиться, да как-то все не клеилось. Адмирал мой сделался очень скучен, однако не оставил между тем, чтобы не нарядить себя в женское платье и представить старую англичанку, танцующую менуэт; это была любимая его забава, когда бывал он весел.

Скоро все с бала разошлись (потому разошлись, что тогда во всем Севастополе было всех экипажей: одна адмиральская коляска да корабельного мастера одне дрожки на столбиках, которые в Москве называются «войлочки»). На другой день адмирал был очень скучен, ввечеру только у графа Войновича несколько развеселился.

Остальные святочные вечера проводили довольно весело, и так весело, что адмирал мой забыл, что недавно ужинал сам 13-й. Как вдруг 7-го числа на вечере адмирал занемог и 10-го числа поутру скончался. Мне сердечно было его жаль.

Странно; кто верит таким причудам и нелепостям, с теми часто и сбывается то, а кто не верит таким глупостям и предрассудкам, вымышленным суеверами и малодушными, те редко подлежат таким событиям.

Я, когда отправился в Средиземное море, тогда экипаж мой составлял 12 человек, и до самого возвращения в Россию я почти всегда садился обедать сам 13-й. Из нас в продолжение 4 лет никто не умер, не убит и даже никто не был болен. Советую всем желающим избавиться от напрасного беспокойства, придерживаться моей беспечности, оправданной на прямом деле.

1786 г. Оплакав и похоронив моего любезного адмирала, я поступил в должность флаг-офицера к графу Войновичу, который сделался тогда главный командир флота и порта Севастопольского.

В марте месяце я простудился и заболел лихорад-

кою. Сначала она часто переменялась во времени, а потом укоренилась и сделалась через два дня в третий так аккуратна, что я за полчаса перед нею раздевался, ложился в постель и безошибочно принимал ее посещение. Всякое старание декарей наших и искусное их пользование было мне бесполезно. Граф искренне заботился о здоровье моем, сделав, наконец, командиром меня пассаж-бота*, который беспрестанно ходил в Константинополь с депешами к посланнику нашему, и в августе месяце послал меня туда, предполагая, что с переменою климата, может быть, оставит меня лихорадка.

Я скоро пришел в Константинополь, представил себя посланнику нашему Я. И. Булгакову. Был готов на третий день возвратиться, но северные ветры задержали меня более 30-ти дней, и во все это время лихорадка меня не покидала. Когда ветер стал делаться мне попутный, в тот самый день лишь только оттрясла меня лихорадка, я обедал у посланника. За столом тогда случился доктор Жароти (он очень славился в Константинополе знанием и искусством ремесла своего). Подавали макароны, приготовленные на сливках в паштете, мне они очень показались, я наложил себе полную тарелку и даже с верхом.

Я. И. Булгаков приметил это и сказал: «Как вы думаете, г. доктор, хорошо лихорадочному кушать эти макароны и такую еще огромную порцию». Доктор Жароти, как итальянец, прежде сделал приличную ужимку, а потом отвечал, что если такую порцию скушает здоровый и нелихорадочный, то непременно приключится ему лихорадка и даром никак то не пройдет.

Однако вышло все напротив, до сей поры не знаю я, от слова ли г. доктора, от удивления его или что я слишком много съел макарон, только лихорадка ме-

* Курьерское судно, называлось «Карабут». — *Ред.*

ня оставила и с тех самых пор как будто никогда не было ее у меня.

Я скоро возвратился в Севастополь здоров совершенно. Граф был очень удивлен и обрадован выздоровлению моему, а я остаюсь теперь искренне благодарен ему.

1787 г. Мая 1-го граф М. И. Войнович произведен в контр-адмиралы, я произведен в капитан-лейтенанты.

Граф, получа из Константинополя важные депеши, послал меня с оными к князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому. По приезде моем в Кременчуг тут была уже императрица и князь при ней находился. Князь приказал мне несколько отдохнуть, это было под вечер и тот самый день, когда дворянство делало великолепный бал в галлерее, нарочно построенной для сего празднества.

Я был тогда молод, здоров и, несмотря на то, что в два дня проскакал 300 верст верхом по летучей казачей почте и столько же верст сделал на перекладных дрянных повозках, рассудил, что выплусь еще дорогою и на месте, а теперь лучше останусь во дворце позевать. (На бале я не мог быть действующим потому, что не было со мной из платья ничего, кроме дорожного).

В 8 часов вечера государыня изволила выйти из внутренних своих покоев в зала и лишь только подошла к среднему открытому окну, как в самый тот момент упал занавес, закрывающий вдаль и прямо перед нею триумфальные ворота, и триумф сей показался ей во всем блестящем сиянии.

Народ, во множестве окружающий дворец, прокричал несколько раз «ура» и умолк. Императрица, любясь и похваляя как будто в огне сияющие триумфальные ворота, изволила сказать: «Мне очень хорошо, очень хорошо, но чего-то недостает».

Князь тотчас понял, чего недостает, приказал музыке играть и песни петь и в то же время отвечал: «Ви-

новат, государыня, недоразумение случилось (все это было приготовлено, но было приказано не начинать прежде, пока приказано не будет). Вдруг музыка заиграла, песни в разных местах запели и народ заплясал. Государыня, услышав музыку, песни и увидев движение народа, показала себя, как будто тем была весьма обрадована.

Вот какими безделицами мудрые цари приобретают себе любовь подданных своих.

На другой день князь Григорий Александрович опробовал распоряжение графа Войновича на принятие государыни по прибытии в Севастополь, приказал мне ехать с тем обратно.

Того же дня навечере государыня оставила Кременчуг, изволила следовать в Херсон, тут пробыла два дня и, переправясь через Днестр на катерах в селение Алешки, продолжала путь в Крым.

От Алешек на расстоянии 30 верст есть слобода Репнинская, устроена и населена отставным генерал-майором Репнинским. Сей генерал, будучи полковником, женился на прекрасной молодой даме от живого мужа, вышел потом в отставку, удалился на всегдашнее жительство из среди России на край сего места, мало почти обитаемый. Князь Потемкин, покровительствуя Репнинского, старался всячески утвердить сей брак, но не успевал в том.

В этой слободе назначен был обеденный стол для государыни. День случился прекрасный, государыня ехала в 6-ти местном фаэтоне. Подъезжая к слободе, в полуверсте от оной, близ дороги открылся курган, усаженный пахучими и приятными для глаз цветами, все это сделано было с намерением.

Князь предлагал государыне: «Не угодно ли выйти и пройтись недалеко, где изволите и кушать». Фаэтон остановился, государыня вышла, долго любовалась цветами и потом изволила пойти. У ворот предместья хо-

зяин Рейнинский с женою и с двумя малолетними детьми встретили государыню на коленях с хлебом и солью. Государыня, посмотрев на них, сказала пословицу: «Хлеб и соль не ссорятся», приказала принять и, оборотясь к князю, сказала: «Куда ты меня привез?» Князь содрогнувшись от неожиданного вопроса, отвечал: «Ваше величество, прежний муж хозяйки два года как умер». «Знаю, — государыня сказала, — знаю и то, что хотел он детей усыновить, этому не быть». Потом изволила пойти в дом, кушала как всегда, по обыкновению, так, что нисколько не было заметно неудовольствия ее...

В половине июня государыня прибыла в Инкерман (что в конце рейда Севастопольского), тут кушала и скоро потом изволила ехать на катере мимо флота в Севастополь.

При вступлении на катер государыня, милостиво приветствуя людей, изволила сказать: «Здравствуйте, друзья мои», гребцы все отвечали разом: «Здравствуйте, матушка-царица наша». Потом угодно было ей сказать: «Как далеко я ехала, чтобы только видеть вас». Тут загребной матрос Жаров (который после был лучший шкипер во флоте) отвечал ей: «От евдакой матушки-царицы чего не может статься». (Как хотите теперь, так и разбирайте ответ матроса, едва знающего читать да писать, больше ничего).

Государыня, оборотясь к графу Войновичу, сказала по-французски с большим, как показалось, удовольствием: «Какие ораторы твои матросы».

Гребцы были подобраны, как говорится, молодец к молодцу, росту были не менее каждый 10 вершков*, прекрасные лицом и собою, на правой стороне все были блондины, а на левой все брюнеты. Одежда их была: оранжевые атласные широкие брюки, шелковые чулки, в башмаках, тонкие полотняные рубашки, гал-

* Т. е. двух аршин и 10 вершков (около 185 см). — *Ред.*

стух гафтяной того же цвета пышно завязан, а когда люди гребли, тогда узел галстуха с концами закинут был на спину, фуфайка оранжевая тонкого сукна выложена разными узорами черного шнура (цвета оранжевые и черные означают герб императорский), шляпа круглая с широким галуном с кистями и султан страусовых перьев. Катер блестел от позолоты и лаку. Прочие и капитанские катера выкрашены также наилучшими красками под лак. Гребцы были одеты в тонкие синего сукна фуфайки, брюки шелковые полосатые, рубашки полотняные, розовый платок или галстух и шляпа с позументом. Люди на ряях поставлены были в летнем платье, фуфайки и широкие брюки белые, шелковый галстух, круглая шляпа и в башмаках, кушаки были по кораблям разных цветов на подобие лент георгиевских, владимирских и прочих. За однообразием в то время не гнались, было бы только пристойно и хорошо.

Лишь только катер государыни отвалил от берега и показался штандарт, в то самое время со всего флота и крепостей салютовано с каждого по 101-му выстрелу. Потом поровнявшись, государыне противу середины флота салютовано в другой раз, по прибытии к пристани и снятии штандарта салютовано в третий раз по столько же выстрелов. День ясный клонился к вечеру, теплота воздуха охлаждалась легким ветром с моря, и все это вместе приветствовало шествие государыни наивеликолепным образом.

По прибытии ее величества во дворец, генералитет, штаб и обер-офицеры были представлены и все удостоены руки ее величества. Я и капитан морской артиллерии Юхарин были в это время на корабле заняты некоторыми распоряжениями и представлялись спустя часа два особо.

Когда я целовал руку государыни, тогда князь Григорий Александрович сказал несколько слов в пользу

мою. Ее величество изволила подать мне другую руку и сказала: «Вот ему в другой раз и другая моя рука за хорошую его службу». Я не могу выразить тогдашний мой восторг, а скажу только, что все последующие в жизни моей награждения никак уже сравниться с сим не могли. В то время целование царской руки делалось с коленопреклонением, может я и ошибаюсь, это мне казалось тогда и теперь весьма и очень хорошо.

На Северной стороне построен был фальшивый городок с крепостью; около 10 часов вечера, когда сделалось довольно темно, бомбардировали оный два корабля линейные и два бомбардирских, весьма удачно взорвали крепость и сожгли городок. Государыня была очень, очень довольна.

На другой день после обеда государыня изволила посетить флот, с нею был австрийский император Иосиф II, будучи на флагманском корабле («Слава Екатерины»), который стоял среди флота и с которого на всю почти гавань и порт вид был наилучший и вместе с тем представлялось глазам множество разных зданий.

Князь Григорий Александрович при сем случае подал государыне записку о числе всех казенных и партикулярных зданий, сказав, что порт сей никогда не был обитаем, все, что видит ее величество и что показано в записке, стоят все построения, казне принадлежащие, не более как до 20 тысяч рублей. Государыня изволила сказать: «Это невероятно». Император австрийский, вслушавшись в разговор, сказал: «comment»? (Государыня при императоре всегда разговор вела на французском языке), и тогда князь объяснил государыне, что весь материал, употребленный на постройку, как то: камень, известь, черепицы и т. д., работа и мастерство — все сделано и добыто руками матросов с прибавлением от казны бревна, доски, медные

вещи, стекла и прочие тому подобные вещи. За рабочие деньги положены уставом Петра Великого 3 коп. в день на человека, но он осмелился давать им по $5\frac{2}{3}$ коп.

Государыня изволила сказать: «Это очень мало, прибавь им еще на мой счет по 5 копеек». Император в это время, отворотясь, несколько подняв плечи, и сказал с некоторым удивлением и довольно громко: «кое-ни»*. Потом император, оборотясь к государыне, сказал ей комплимент: «Тебе только, мудрая счастливица, возможно делать такие вещи».

Иосиф II обращение имел весьма свободное и очень часто позволял себе говорить итальянские полум...ерные термины, которые введены там в такое употребление, что даже первоклассные дамы говорят их без всякого зазрения совести. В другой раз также случилось императору спросить графа Сейновича: «Велик ли был тот корабль, который в прошлом году разбился?» Граф отвечал: «Точно такой величины, как этот». Император сказал на то и так же вслух: «Кацо»**.

На третий день поутру государыня изволила отправиться в обратный путь. Кушала в Байдарах.

В это время шведы затевали великие проекты на зло России; они убедили турок объявить нам войну и действовать вместе сильно и усердно, обещали туркам возвратить Крым. Шведы так были уверены в успехе замыслов своих, что [кажется] был уже назначен комендант нашего Петербурга.

В августе месяце турки сделали требование Крым возвратить им, Кинбурн срыть и еще кое-какие нелепости. Посланник наш в Константинополе, славный человек, Яков Иванович Булгаков, не останавливаясь ни сколько, отверг глупости их. Война возгорелась, турки

* ?? — Ред.

** ?? — Ред.

посадили посланника в Семибашенный замок, назначили 7 кораблей и 5 фрегатов к Варне и там ожидать еще столько же кораблей под предводительством известного славного капитан-паши Гассан Паши.

Князь Григорий Александрович не замедлил уведомить графа Войновича о войне с турками и о назначении турецкой эскадры, предложив графу со всем нашим флотом пуститься на турок к Варне.

Повеление это получено, как теперь помню, 30-го августа в субботу около обеда. Граф собрал всех капитанов, объявил им предписание и приказал быть готовым непременно завтра к вечеру. На другой день в воскресенье все капитаны обедали у графа и за столом упросили его, чтобы завтрашний день, т. е. в понедельник, не выходить в море, ибо понедельник у всех русских считался днем несчастным на всякое начинаемое дело.

Вот совершенное невежество и глупость русского предрассудка, что и увидеть можно из последствия. Если бы мы вышли в море в понедельник, то непременно были бы в Варне и сделали бы сражение, а как целые сутки промедлили напрасно в угодность глупого суеверия, то не дошли мы до Варны только 40 миль итальянских, потеряли ужасное бедствие.

2-го сентября поутру с добрым попутным ветром вступили мы под паруса: три 70-пушечные корабля, два 50-ти и шесть 40-пушечных фрегатов, — все тут, что было налицо морских наших сил.

Проплыв половину расстояния, 4-го числа случились нам ветры тихие и переменные. 8-го числа в полдень мы были от Варны в 40 милях итальянских, ветер дул от W, ввечеру ветер стал крепчать и отходить к NO, а с полуночи сделался ужасный шторм от NNW.

9-го числа на рассвете видели мы только 1 корвет и два фрегата без мачт. В 9-м часу у нас на корабле все три мачты сломались разом, сделалась большая течь.

Мы положили якорь на глубине 55-ти саженьях, выдали полтора каната, якорь задержал, корабль пришел к ветру и течь несколько уменьшилась. В полдень никого от нас не было видно. 10-го числа течь у нас прибавилась, а 11-го числа с вечера до полночи так увеличилась, что во все помпы, котлами и ведрами из всех люков едва только могли удерживать воду и мы в это время были точно на краю гибели.

Шторм продолжался ровно трое суток, потом стих, качка миновала и время сделалось прекрасное.

В наше время или, можно сказать, в старину, в командах бывали один-два и более, назывались весельчаки, которые в свободное время от работ забавляли людей разными сказками, прибаутками, песенками и проч. Вот и у нас на корабле был такого рода забавник — слесарь корабельный; мастерски играл на дудке с припевами, плясал чудесно, шутил забавно, а иногда очень умно. Люди звали его «кот-бахарь». Когда течь под конец шторма прибавлялась чрезвычайно и угрожала гибелью, сошел со шканец на палубу, чтобы покуражить людей, которые из сил почти выбивались от беспрестанной трехдневной работы, вижу, слесарь сидит покойно на пушке, обрезает кость солонины и кушает равнодушно. Я закричал на него: «Скотина, то ли теперь время наедаться, брось все и работай». Мой бахарь соскочил с пушки, вытянулся и говорит: «Я думал, ваше высокоблагородие, теперь то и поесть соленьенького, может доведется, пить много будем». Теперь, как вы думаете, что случилось от людей, которые слышали ответ слесаря. Все захохотали, крикнули: «Ура, бахарь, ура», все оживились и работа сделалась в два раза успешнее.

12-го числа с рассветом по прошествии шторма стали мы вооружаться, к обломкам мачт поставили запасные стеньги, на них брам-стеньги, привязали паруса и к вечеру при попутном ветре снялись с якоря. Хоро-

шее время и такие ветры довольно благоприятствовали нам.

21-го числа поутру вошли мы в Севастополь, благодаря бога, можно сказать, благополучно. Из числа эскадры нашей фрегат 40-пушечный «Крым» погиб без вести, а корабль «Мария Магдалина» унесло без мачт в Константинополь и он достался туркам в плен со всем экипажем. Прочие все корабли и фрегаты прибыли в Севастополь с потерей не менее двух мачт на каждом.

На другой день с сим печальным донесением граф послал меня к князю Григорию Александровичу. Князя нашел я в Кременчуге больного, лихорадка посещала его через два дня в третий, болезнь не опасная, не мучительная, но не менее неприятная потому, что много отнимала времени в отправлении дела, к тому же в Петербурге и при дворе, которым князь не нравился, заговорили много невыгодного насчет князя: будто он не болен, а здоров, будто не знает распорядиться хорошо в военных действиях и, наконец, будто совсем потерялся.

Императрица все это знала очень хорошо, однако же послала к князю князя Николая Васильевича Репнина единственно на тот предмет, чтобы он помогал князю в отправлении дел по воинской части и в болезненное время не оставлял бы князя посещением и благоразумными своими представлениями по делам службы.

Князь Репнин был пустой человек, горд и вместе с тем низок до крайности, он мог бы при этом случае угодить государыне и приобрести дружество князя, но по безрассудной гордости своей он наделал князю и себе большие неприятности. Зато и князь Потемкин хотя не был мстительный, но отплатил же и ему. Во время осады и до взятия Очакова князь Григорий Александрович все это время держал князя Репнина,

как содержат обыкновенно чванливые генералы ординарцев своих.

Князь Григорий Александрович удержал меня при себе до 1-го октября. Удовлетворив вполне любопытство свое о несчастном плаваньи нашем и уверясь в рассказах моих, что флот наш будет готов в мае, выйдет в море и разобьет турок, спустил меня в Севастополь обратно. На другой день я приехал в Херсон и узнал тут о происшествии, случившемся вчера у Кинбурна. Оно есть следующее.

Сентября 29-го рано поутру у острова Ад (что ныне Березань) показались турецкие 11 кораблей, 8 фрегатов и несколько мелких разных военных судов, подошли к Очакову и установились на якорь.

Турки не без намерения пришли к Очакову: первое, снабдить крепость достаточно людьми и разными военными припасами — это умно и похвально, а другое дело довольно глупое — взять Кинбурн, и у кого же взять, у графа Суворова...

1-го октября турки с рассветом начали высаживать десант на оконечности Кинбурнской косы. Граф приказал всю артиллерию, действующую вдоль косы, зарядить одним ядром с картечью, полевые орудия поставить пред стеною крепости, прикрыть турами и зарядить также одним ядром с картечью, а в заключение приказал не палить прежде, чем турки подойдут на настоящий картечный выстрел, тогда только открыть огонь и стараться, чтобы каждое орудие сделало по крайней мере два или три выстрела, картечи были подготовлены из пуль свинцовых. Турки помалу стали подаваться вперед и сделали за собою поперек косы несколько ложементов, которые на случай отступления могли прикрывать их от пуль ружейных, потом собравшись во множестве, тихими сперва шагами пустились на приступ Кинбурна. Подойдя на пушечный выстрел, крепость не палит, они остановились, думали и рассу-

ждали, зачем не стреляют по ним, иные говорили, что пушек нет на крепости, а другие рассуждали, если и есть пушки, то, конечно, не заряжены еще, потом с криком «алла, алла» бросились к крепости во весь дух.

Лишь только подбежали они на картечный выстрел, наша артиллерия сделала залп и другой, турки смешались, дрогнули, закричали «аман, аман» * и бросились назад. Артиллерия наша проводила их ядрами до самых почти ложементов. Турки, уйдя от выстрелов, остановились, думали и с большим еще числом людей опять пустились на приступ и были отражены, подобно как в первый раз. Между тем сикурсировали их со флота беспрестанно **, казалось, что капитан-паша полагал непременно, во что ни стало, только бы взять Кинбурн.

Турки и в третий раз приступили и были так же точно отбиты, как в первые два раза. Наконец, в четвертый раз турки пробовали овладеть крепостью, бросились с ужасным остервенением, так что некоторые вскакивали на пушки наши, поставленные пред стеною, но без всякого успеха оставались только в жертву нашим. Люди наши во все это время, можно сказать, рвались из крепости на турок. Граф Суворов сколько в угодность людям нашим, но не менее, кажется, и по врожденной склонности своей после четвертого отбоя турок вывел войска из крепости, с несколькими орудиями полевой артиллерии бросился на турок, подобно как лев разъяренный. Тут случилось упорное, но минутное сражение: турки скоро выбиты были из ложементов, гнали их, кололи без пощады и топили суда.

Итак, в короткое время граф решил глупое, но весьма отважное и дерзкое предприятие турок. Кинбурн-

* Пощады. — *Ред.*

** Т. е. посылали подкрепления. — *Ред.*

ская коса, можно сказать, завалена была убитыми турками. Они потеряли убитыми, конечно, более 4-х тысяч человек, в плен взято до 300. У нас убитых: два штаб-офицера, 11 обер-офицеров, 340 рядовых и столько же рядовых ранено.

Граф Суворов при конце сражения был ранен, пуля пролетела близко шеи и ссадила кожу до крови. По окончании дела граф обмывал рану свою на взморье и, конечно, не без намерения позволял отличным * гренадерам драть себя за ухо и поздравлять с обновкою.

5-го октября флот турецкий отплыл в Константинополь, оставив у Очакова до 10 лансон**.

Я, пробыв в Херсоне дней с 10, уехал в Севастополь.

1788 год. Вот и весна пришла, началось вооружение кораблей, и тогда сделалось еще веселее; мы и забыли, что недавно чуть-чуть все не перетонули, а думали только о том, как бы выйти в море поскорее.

26-го мая, рано поутру, турецкие-9 кораблей, 6 фрегатов, 10 корветов и до 40 лансон и кирлингич показались у Кинбурна; при тихом и переменном ветре стали подходить к Очакову и становиться на якорь. В это время находилась у Кинбурна дубель-шлюпка наша, вооруженная с носа двумя 3-пудовыми гаубицами, на бортах имела по три шестифунтовые пушки и две из них поворачивались на корму. Командир сего дубель-шлюпа был капитан-лейтенант Иоган Сакен, славный морской офицер. По точным обстоятельствам Сакен должен был идти на Глубокую пристань в соединении с флотилиею. Откланиваясь, он графу Суворову за завтраком между прочим говорил: «Меня турки даром не возьмут», так точно и поступил.

Около полудня, простившись с графом, Сакен при-

* Т. е. отличившимся. — *Ред.*

** Мелкие военные суда. — *Ред.*

ёхал на шлюп свой, снялся с якоря и поставил все паруса. Ветер ему благоприятствовал, тогда же, в то же самое время турки до 15-ти линейных и столько же гребных судов вооруженных сделали за ним погоню, Сакен был тогда от нас, как казалось, вне опасности, но, проплыв с половину расстояния, к несчастью Сакена, ветер стал тихнуть, в это время турки на парусах и на веслах приближались к нему приметно. Сакен придержался к камышам левого берега. В сумерки ветер совершенно заштилел и турки приблизились к нему на пушечный выстрел. Сакен храбро отпаливался и наносил большой вред туркам, но отбиться совершенно никак не мог. Сакен решился, наконец, послал всех людей на бак и приказал, чтобы они понуждали людей, бывших тогда на буксире, как можно сильнее грести, сам вошел в свою каюту, под полом которой была и крюйт-камера, и в тот же почти миг взорвал свое судно и сам с ним вместе взлетел на воздух. Турки в то время почти были готовы вскочить на судно и некоторые уже готовились приесть, но со взрывом судна ужаснулись и с криком «алла, алла» возвратились назад. Команда почти вся спаслась в камышах. Убитых было 4 унтер-офицера и 27 рядовых.

Сей поступок Сакена остается на произвол судить каждому по-своему. Сколько голов, столько и умов! Я знаю только то, что поступок Сакена не был чужд сердцу императрицы. Она изволила щедро наградить старую мать и двух сестер Сакена.

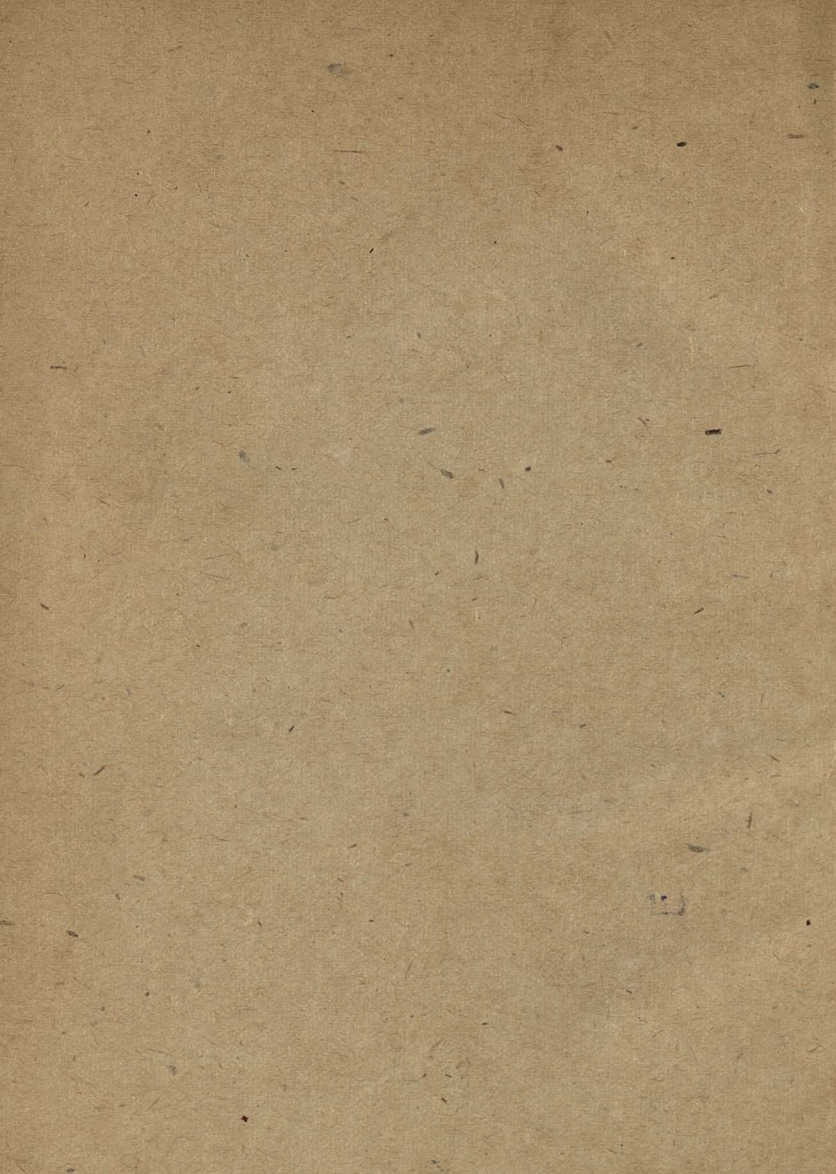
(Здесь записки обрываются)

Редактор *Н. Мазунин.*
Техредактор *З. Чернова.*
Корректор *М. Заозерская.*

ГМ-200237. Подп. в печ. 24/IV
1945 г. Печ. л. 4,5
Зн. в 1 п. л. 56700.
Уч.-авт. л. 6,18.
Уч.-изд. № 303. Зак. № 47

Набрано в тип. Профиздата,
отпечатано в 1-й типо-лито-
графии УВМИ НКВМФ

13 СЕН 1945

4 руб.

